

СЕРГЕЙ
БАТРОВ

**СОЛЕННЫЙ
МАЛЬЧИК**

*Рассказы для детей и
взрослых*

Рисунки С.Иевлева, Л.Казбекова

К 1048432
Вологда

1995

КОЧЕРУТА
УДАЛЕУ
ЗБОЖОК
ДАВЖИЎ УТОЛ

КОЧЕРЫТА

Валентина видела сына всегда ми-
 молетно. Лишь утром да вечером
 перед сном. Паренек пропадал дотемна.
 Валентина не придиралась. В его воз-
 расте улица — дом родимый. Пусть
 набегаются в охотку. Лишь бы уроки
 учить не ленился. Но уроки давались
 Колюне легко. Троек не было. Все чет —
 верки. Правда, порой Валентину смущал его вид. То синяк на
 лице. То разорванная рубашка. Как — то даже пришел с подпа-
 лённой плешинкой, будто кто на его голове разжигал косте-
 рок. Валентина допытывалась у сына: что же такое с ним
 происходит? Колюня с готовностью объяснял. Валентина
 чувствовала: хитрит. Однако опять не ругала, считая, что здесь
 зарыта какая — то тайна, которую каждый мальчишка стара-
 ется умолчать.

Случай, какой с шалуном приключился в один из погожих
 октябрьских дней, Колюня, естественно, тоже бы выдал за
 тайну, не рассказав ее никому. Но были свидетели.

После уроков в стайке таких же, как он, шалобродов, с кем
 скрытно покуривал сигареты и ходил на лесную биржу
 исследовать все, что там плохо лежит, оказался Колюня возле
 хранилища овощей. То проказников к этому врытому в землю
 бревнистому складу и приманило, что был он не заперт, и
 захотелось узнать: что, интересно, там есть?

Поначалу их было пятеро. Но двое, сославшись на то, что их
 ищут, ушли. Остались самые дерзкие: Колюня, Андрюша и

Петя, все трое любители приключений.

В створе ворот зияла темная щель. Андрюша втянул носом воздух:

— Пахнет арбузами!

Петя предположил:

— Кажется, их сюда привезли на машине.

Колюня воскликнул:

— Один на троих! Самый сладкий и полосатый! Кто из нас смелый?

— Ты, Колька! — сказали ему. — Ты у нас атаманский отлет! Да и носишь не чурку, а голову на плечах. Смысловатый, как сам начальник!

Хвала для Колюни, что мед для мухи.

— Ладно, — решил, — только смотрите! Чтоб караулить! Как кто пойдет — мяукайте по — кошачьи! — И, не встревожив ворот, как шнурок, юркнул в узенький створ.

В складе было прохладно и мглисто, свет поступал лишь в одно, под самую крышу посаженное оконце. Какие — то бочки, ящики и корзины. Пахло луковой шелухой. В ящиках были зеленые помидоры. За ними — мешки. Целый пригорок. Колюня пощупал. Круглое. Яблоки, что ли? Было трудно, но он пропихнул сквозь завязку в теснейшее горло мешка узкопалую руку, достал оттуда один кругляшок. Разумеется, в рот, на пробу. Тьфу! Картофелина с землей.

Колюня засомневался: есть ли вообще тут арбузы? Пыхтя, прокарабкался по мешкам. Поднялся на самый пригорок. Хотел углядеться, что там дальше, за ним? Но тут послышался говор мотора. Машина!

Из — за ворот так жестоко мяукнуло, что у Колюни мурашки по коже. Надо бежать! Он и рванулся, да ноги вдруг провалились. Он еле их вырвал. Одну — без обутка. Пока вытаскивал сжатый мешками сапог, обувал его и спускался, прыгая на пол, машина уже подкатила к воротам. Куда же деваться?

Колюня, как заполошенная мышка, заюркал вправо и влево. Спрятался было за бочку, но мигом смекнул, что это нелепо. Включат свет и сразу найдут.

Когда одна за другою скрипнули дверцы машины и о землю ударились две пары ног, Колюня взлетел воробьем на высокую бочку и, зажмурившись, спрыгнул в какую-то бледную слякоть. Тут же заметил свисавшую крышку, закрыл себя ею и затаился, усевшись в чавкнувшее мокро. "Пережду, — возбужденно решил, — здесь меня никогда не найдут."

Все остальное было похоже на сказку. Не испытай бы Колюня сам, ни за что бы он этому не поверил.

По складу ходили два грузноватых на ногу мужика. Переговаривались негромко:

— Чего везти — то велели?

— Картоху и свеклу. Да помидоров, что пожелтее. И огурцов еще бочку.

По голосам, одному толстоватому с сипотцой, второму — тонкому, как у мальчишки, Колюня узнал молодого шофера Степана Чижова и пожилого кладовщика Игнатия Борзенко — ва.

— Капусты не надо?

— Возьмем! Лишнюю езду потом хоть не делать.

Колюня услышал, как подошли к его бочке. Сдвинули с места. Игнатий сказал:

— Вроде бы где-то была тут с остатком. Ее бы не взять. Может, эта?

Бочка с Колюней опять колебнулась.

— Нет, тяжеленько. Эта полна. Ее и возьмем!

По крышке ударило чем-то тяжелым.

— Давай ее катом!

Ни разу Колюне не доводилось кататься в бочке, тем более с кислой капустой. И вот закрутило и побежало. Сначала по полу, потом по слегам. В кузове бочку поставили так, что

Колюня в ней оказался кверху ногами. На голову шлепнулись мокрые листья. Колюня чихнул.

- Простыл, Степаша? Эдак закехал?
- Это не я! — ответил шофер.
- Я, что ль? — спросил кладовщик.
- Откуда мне знать!

Так мужики и не поняли ничего. Ушли, унося с собой громкий топот. А Колюня остался, тараща глазешками среди потемок. Попытался вышибить дно. Но оно запечатано было надежно. Сколько может стоять человек в неестественной стойке? Этого он, конечно, не знал.

Мужики загружали машину картошкой и овощами? Нако — нец, скрежетнули замки. Степан уселся в кабину. Игнатий остался вверху. Машина пошла.

А Колюня уже изнемог. Он понял, что дело его худое. Еще немного — и он задохнется или сломает себе позвоночник. И забил каблуками о днище.

– Эко — о? — спросил в удивлении кладовщик. — Эта бочка стоит. А эту будто кто ковыляет.

– Я в бочке! Я! — отчаянно крикнул Колюня.

– А кто ты такой? — подивился Игнатий.

Колюня сначала сплюнул капусту, а после взятяг, с надры — вом, слезами и соплями выдал:

– Ко — коля!

Игнатий, понятно, перепугался. И все же нашел в себе духу и тихо спросил:

– Чего тебе надо?

– Переверните!

– Чертовщина какая — то, — еле слышно сказал кладовщик и застучал кулаками по крыше кабины.

Машина притормозила. Игнатий взмолился:

– Давай — ко, Степа, сюда! Тут чего — то не то! Ума не хватает, абы понять! Бочка сейчас со мной говорила! Может,

в ней прячется черт!

Шофер, хохоча, вскарабкался в кузов.

— Блазнит тебе, Игнатий Иванович! Черт в бочке! Надо ж такое придумать! А ну — ко я тоже поговорю! Э — э, чертушко, где ты там? Отвечай, коли нас не боишься?

Из бочки ответило:

— Тут!

Мужики на минуту притихли. Потом боязливо перешеп — нулись, поставили бочку на кат и осторожно вышибли днище. Когда оттуда на четвереньках, обвитое мокрыми листьями, вылезло юное чудо, они невольно попятнулись от него. Но тут же смекнули, что это парнишка.

— Мышь в крупу попадает, курица в ощип, а ты, выходит, в капусту! Зачем залез — то туда?

Колюня закашлялся:

— Спрятываться от вас!

— Значит, ты в складе таился?

— В складе.

— А чего искал?

— Арбуз.

— А ты его там оставлял?

Колюня захныкал.

— Мать — то кто у тебя? Валентина?

— Ы — гы.

— Давай — ко, Степан, до нее!

Минут через десять Колюню высадили у дома.

— Э — э, Валентина! — крикнули, углядев во дворе высокую молодуху. Вот кочерыгу тебе привезли! Отыскали в бочке с капустой! Не вор и не пакостник, а не лучше!

Валентина так испугалась, что руки ее услышали, как завоzilось в груди заболевшее сердце. Однако сильнее испуга был стыд. Лицо от стыда опалило морозом. И злостью ударило изнутри. Вот — вот закричит она на Колюню, а то и хлестнет

сгоряча тяжелой рукой. Но удержалась. Увидела: малому худо. Чуть — то живой. Голова подломилась, как у цыпленка. Щеки в огне. Завела его в дом. Раздела и уложила под одеяло на старый диван. А потом, когда он поотлежался, накормила горячим супом. И лишь тогда внимательно выслушала его.

— Коленька! Коля! — Валентина смотрела на малого при — стально и тревожно, не замечая на его лице ни вины, ни расстройства, ни раскаяния. — В кого ты эдакой вредной? И ребята — то хлещут тебя. И взрослые ловят, ровно воришку. И так на тебе одне кожа да кости, а все куда — то попасть норовишь. Ведь больно, поди, голове — то сейчас. Эдак ее склоняешь?

— Больно, мама.

— Ну вот! Надломили. Эдак докуролесил. А не отстанешь — и вовсе ее оторвут. Сгинешь, как батя. — Об отце Колюня ничего не помнил. Тот умер, когда ему было пять лет. Умер недоброю смертью, и может, поэтому мать редко — редко рассказывала о нем. Перевернувшись с правого бока на левый, Колюня спросил:

— Он чего у нас: был алкоголик?

Валентина склонила над сыном прикрытую белым платком круглощечную голову, зорко вглядываясь в него:

— Просто беспутко! И задирующий, как забияка! Ни одной уж драчки в поселке не пропускал. В драчке голову и оставил.

— Я не оставлю, — дал слово Колюня и, натянув на себя одеяло, закрыл глаза и спокойно затих.

Через день, как всегда, возвращаясь по вечеру с пилорамы, Валентина еще не дойдя до крыльца, готова была разглядеть приставленный к двери кореный батог. Но батога не нашла. Удивилась: сын привычкам не изменял и должен был в эту пору где — нибудь бегать с ребятами по поселку. "Дома, вы — ходит? — заволновалась. — Ну да и винт! Опять, поди — ко, чего — нибудь накудесил?!"

Ступив за порог, Валентина сразу же строго взглянула на сына. Тот стоял с натопорщенным видом у кухонного стола и, выставясь тощим личиком на нее, старался выглядеть хладнокровно. Заговорил он лишь после того, как она, обрядившись у печки, уселась за стол.

— Все, мама! В школу ходить я боле не буду!

Валентина сдержала в себе расстройство, не дав ему ходу.

— Это почто же ты, Коля, такое городишь?

— Они обзывают меня "кочерыгой".

— Парни, что ли?

— И девки.

Валентина вошла в положение сына, но без сочувствия, а с насмешкой:

— Какой же ты холостяк, коли прозвища испугался! Отворотыш ты, Коля, ни больше — ни меньше!

Парень уткнулся глазами в тарелку с похлебкой.

— Ты — то хотя бы не обзывалась, — обиженно пробубнил.

— Да я — то чего! Я — то, если и обзову, так тебя, ухореза, жалея! А дело — то, Коленька, ведь в тебе! Пора и характер иметь!

— Я что?! Не имею?

— Имеешь, да — мягонькой, слабоватый, а надо отпорный! Тебя чередят — а тебе и не жаль! Как о стенку горох! Ишь, надумал чего? В школу ходить он не будет. Не слышала я от тебя такого!

К супу парень не притронулся. Напряженно затих, как задумался о недобром.

Несколько дней приходил он из школы домой, поскучневший и тихий. А потом вдруг как с цепи сорвался. Выпускал из хлева рогатую Марту и, разбежавшись, прыгал через нее. А неделю спустя, когда коза надоела, приволок с пилорамы мешок опилок. Привязал его к стойке крыльца и давай буздырять по нему то краями ладоней, то лбом, то коленом. Валентина как

раз в это время доила козу. Закрыв дверь хлевушка, подошла к нему и, теряясь в догадках, спросила:

— Ты чего это, Ко — оль?!

— Будут знать! — Колюня не отвлекался. Бил и бил по мешку. Руками, ногами и головой. — Вот только мускулов накачаю — зачешутся у меня!

— Не держи на людей ретивое! — прикрикнула Валентина.

— Ты ведь не супостатко!

— Ладно, мама! Слова — то какие все у тебя. Я чемпионом, быть может, хочу. А ты — супостатко!

— Это каким еще чемпионом?

— Таким, — ответил Колюня, — которого все боятся!

Был тихий октябрьский вечер с первой звездой, проклюнувшейся на небе. Пахло вытопанной травой и холодными листьями старой дворовой березы, которые медленно шевелились и один за другим срывались, падая на забор, огородные гряды и Валентину, стоявшую в трех шагах от пыхтевшего против мешка Колюни.

Мать глядела на сына жалостными глазами. Метавшийся сын был похож на игрушку, которую завели и забыли обновить. В его недоросшем тельце, хрупковатых коленочках и локтях было что — то тщедушное, слабое и смешное, однако в жестоких движениях рук и ног угадывалась опасность. "Знать бы заране, — подумала Валентина, — кто получится из него. Ну надо же так его окрестить: Кочерыга! Это теперь Кочерыга. А после? Потом? Через годы? Так Кочерыгой, что ли, и будет? — Валентину бросило в пот. — Не согласна! Нет! Нет! Пусть уж лучше лягается с этим мешком! Может, и вправду станет каким — нибудь завалыщеньким чемпионом! А там глядишь и до путного человека недалеко..."

Валентина махнула сыну рукой.

— Перемешкай! — сказала, поворачиваясь к крыльцу. — Чемпионы — то поди — ко ужин не пропускают. Пойдем на —

кормлю. А потом опять чемпионствуй.

— Ы—гы! — рассмеялся Колюня и его умытое потом маленькое лицо отразило привет особо счастливого человека, которого выделили из всех.

УДАЛЕЦ

Отец обещал взять Мишутку с собой, как помощника, на лесную поляну, откуда надо было вывезти сенный зарод. И слово сдержал.

Сидит Мишутка в санях. Долгое личико разгорелось. Занятно ему из-за широкой спины отца глядеть на большую реку, на кусты и деревья, на бегущий под ноги коня еще ненаезженный путь.

Накануне ярился мороз. Да и сейчас он ярится. Отец говорит, что снегири его насулили. Насулили и

скрылись. А мороз ударил кремень о кремень — закаменели складки дорог, обледенели ручьи и болота, выросли наморози у рек.

Скрипят копылья саней. Холод подганивает коня. Холод сегодня везде. Он забрался на провода, на крыши домов, на деревья, вцепился белыми нитками в гриву коня и даже уселся верхом на рога бледноскулой луны. Опаленный морозом воздух все тяжелее и гуще никнет к иззябшей реке, и вода сонно мглеет и цепенеет, покрываясь иссиня — серым противнем льда. Пар стоит над землей. В хмуроватых логах собираются стаями волки.

Зато в поле сейчас торжественно и бело. Мишутка спрашивает взахлеб, увидев с краю березовой рощи дерево, ветви которого согнулись от тяжести розовых яблок:

— Откуда яблоки — то зимой?

Отец сидит в передке саней.

— Это прилетные яблоки. Славно летают! — И, сняв с головы лохматую шапку, делает резкий замах.

Яблоки, как одно, проворно взлетают, порхая в березовых ветках.

— Снегири! — узнает Мишутка, и сердце его заливает волнение.

Сквозь толстые уши распущенной шапки Мишутка слышит глухую пальбу. Приподнял повыше тонкую шею. Трактор! Увитый холодным паром трактор тащится встречь Воронку. Везет из соседней деревни, где ферма, еще не остывший навоз. Отец машет в сторону трактора рукавицей:

— Умножил бог лето мухами, зиму — морозом!

Из кабины, как из чулана, выплывает скуластая голова дяди Кондрата.

— Ну и что? — спрашивает он, остановив на минуту трактор. Отец показывает на лошадь:

— А вишь, сколько инею — то на гриве!

Усмехается дядя Кондрат:

— Что в инее — то твоим?

Отец с удовольствием объясняет:

— Да ведь он сулит урожай овсу.

— Какой?

— Да хороший!

— Хо! Хо! — смеется дядя Кондрат и кивает на сани с навозом. — Урожай — то овсу сулит эво кто!

Отец немного смущен. Но ненадолго.

— Пожалуй, ты прав! — кричит. — Это уже не примета, а суть.

— Какая?

— Земля, что блюдо, сколь положишь, столь и возьмешь.

— Во! Во! Большущее блюдо! — сияет дядя Кондрат и дергает за рычаг, направляя трактор окраиной поля.

Надоело Мишутке сидеть в санях пассажиром.

— Ты, папка, хватит, буде, направился! — заявляет. — Мне — ка дай!

Отец разумеется, уступает. Мишутка держит возжи в руках. Весело гнать Воронка по зимней дороге. Гнать и слышать бормочущий шепот. Шепот растет от дерева к дереву, и чем дальше плывет по вершиннику ветер, тем он дремучее и длиннее. И на опушку соснового бора уже наплывает не шепот, а древний торжественный гул.

Из — под крутых подков Воронка вылетают снежные клоуны. Мишутка жмурится, защищая лицо рукавицей.

— Ладно, Михайлушко, — говорит отец, — Дай — ко вожжи сюда!

Не желает Михайлушко без вожжей.

— Снега я, что ли, боюсь. Да коли хочешь знать, мне со снегом — то даже лучше: не так хоть жарко сидеть.

Попоехал маленько, подвывернул шею назад и спрашивает с лукавицей:

— Скажи, пап, похож я на взрослого хоть немного?

— Как же ты не похож!

Сыну это и надо.

— Ну а коли похож, дай проехаться одному!

Рад потрафить отец сынку. Сам когда — то удаленьким был.

Спрыгнул с розвальней и услышал:

— Пшел, Воронок! Пшел, веселое ухо!

В ногах у коня закружился взметеленный ветер. Костерком сверкнуло колечко дуги.

Промелькнул сеновал, пойма в снежных заметах, елка с ястребом на макушке. Быстрой рысью несется конь. А Мишутке надо — галопом.

— Ноги! — кричит Воронку. — Ноги — те подымай!

Но случился трясок. Вожжи вырвались и забились. Мишутка кругленьким крендельком покатился назад.

— Тпр — рру! — догадался гаркнуть отец, настигая прыжками сани.

— Чего, Михайлушко, вроде, упал?

— Рукавицы — ти слизкие. Каб не они...

На лесной поляне игрушечным белым собором высится сенный зарод. Отец у Мишутки проворный. Вилы с пластинами сена по воздуху так и летают. Мишутка завидует, хочет попробовать, как отец.

— Ты, папка, поди — ко, устал?

— С чего ?

Мишутка и сам не знает с чего, однако предполагает :

— С того, что ты старый. А старые устают от работы. А мы, молодые, не устаем. И нам вас надо жалеть, а то вы надсадитесь и помрете.

— Ну коли так, то, пожалуй, я отдохну. На вот! — отец подает сыну вилы. Они тяжелые и большие, и Мишутка их подымает с кряхтеньем. Однако рад — перерад, что и он, как взрослый мужик, нагружает на розвальни сено.

И вот воз навален горой, затянут ветками и веревкой. Мишутка подходит к коню, гладит его вороную морду.

— Я, пап, лошадей сильно — сильно люблю. Скажи, меня приняли бы в конюхи?

— В конюхи? А пожалуй. Только ты, как мне помнится, ладил работать на механизме.

Вздыхает Мишутка.

— На механизме — добро и на лошади — любо. Прямо не знаю, где и работать?

— Везде! — успокаивает отец. — Где душа твоя пожелает. Больно добро, когда человек умеет несколько дел. Такие умельцы всюду в почете.

Сердито урчит под полозьями снег. Конь идет, тяжело качая боками. Пар дымит от мокрого крупа. Мишутка сидит на возу. Долго сидит. И вот видит в прогале елей, как в зеленых воротах, избы Высокой Горки. А перед ними — покрытое снегом озимое поле. Показывая рукавицей на озимь, Мишутка с тревожцею замечает:

— Снегу — то навалило толсто!

— Ага! Хорошо! — отвечает отец.

— Чего уж хорошего, — спорит Мишутка, — ведь снег — то холодный, и хлебушек, значит, замерзнет.

— Наоборот! Нагреется под снежком, как под заячьей шубой!

Конь, подымая гладкую шею, важно входит в деревню. Возле почты, где пруд, резвятся шнырливые ребятишки. Завидев их, Мишутка требует у отца:

— Дай — ко вожжи сюда. Поскорей! Пусть не думают, что барином еду!

Отец улыбается с пониманием, закидывает вожжи на воз.

— Пшел, Воронок! Но, веселое ухо! — кричит Мишутка лихим тенорком и осторожно глядит на ребят: хорошо ли он им заметен?

ЗВОНОК

Возвраща —
ясь в За —
борье из Во —
логды, Никита
Бобков по —
т е р я л
по дороге
внука. Ездил
за ним спе —
циально за сто

километров. Все шло поначалу быстро и гладко. Приехал Никита в город. Одну только ночь у дочери и ночевал. Забрал внучонка и ехал уже с ним в автобусе, приближаясь к деревне, да на одной остановке его соблазнило сбегать в буфет, где торговали бутылочным пивом. Недолго там вроде и задержался. Но когда из буфета вышел, автобус маячил на горизонте. Пришлось покупать билет на следующий автобус, терять в ожидании два с половиной часа и питать про себя надежду, что парня высадят там, где надо.

Впрочем, тужил Бобков не особенно долго. Вскоре даже повеселел, благо пива хватил с перебором. Уселся в автобус с беспечной душой и всю дорогу безостановочно тараторил. При этом на длинном его лице сияла улыбка житейского понимания, будто он все уже испытал и готов испытанным поделиться.

Сперва он сидел на вертящемся стуле рядом с шофером

автобуса и доверительно сообщал:

— Тоже когда — то крутил баранку. Сидел, как курок у ружья на взводе. Все и думал, как бы кого не замять. Замял собачку. С того вот и начал всего бояться. Особенно, если увижу ребят. Те так и лезут под колесо. Ночами тюрьма стала сниться. А как сошел с шоферов, снова — покой — дорогой. Ты — то, гляжу, ничего?

— Что — ничего? — шофер покосился на пассажира.

— Ничего не боишься?

Шея шофера побагровела.

— Боюсь выволакивать из — под машины неосторожных зевак.

— Было, что ли, такое?

— Будет, — ответил шофер убежденно, — ежели ты от меня подальше не пересядешь.

Бобков пересел к румяному парню с низко опущенными усами и с ходу завел разговор:

— Еще не женат?

Холостяк неохотно признался:

— Скоро.

— И как она?

— Все нормально.

Бобков сочувственно улыбнулся.

— У меня ведь тоже была, как твоя, а может, еще и получше. Завидовал каждый. Ну, думаю, буду кончать с холостяцкой житухой. И только надумал с ней расписаться, как вышла промашка. Деваха моя чьей — то женой оказалась. Ты — то свою хоть маленько проверил?

Жених обиженно буркнул в усы:

— Чего проверять. Паспорта уже сдали. В субботу распишут.

Бобков пророчески произнес:

— До субботы многое может перемениться. Так что парень,

крепись!

Румянца на парне как не бывало. Он побледнел и хотел уже было ткнуть Бобкова в бок кулаком. Да тот отвернулся: увидел старушку с цветами.

— Далеко ли, мамаша, едем? — бодро спросил.

— К сыну.

— Он где у тебя?

— В Дору, — назвала старушка лесной поселок.

— Работает там?

— Отдыхает.

— Умеет народ! А вот я не умею. Тоже хотел бы поотдыхать, да все времени нет. Работа, семья. Он, что у тебя, в отпуску?

— В отпуску.

— Позавидовать можно!

Старушка вздохнула:

— Язык у тебя сорочий. Где посидишь, там накастишь.

Никита обиделся:

— Ты, мамаша, чего — о?

— Завидуешь сыну, — сказала старушка, — а он у меня под крестом, на кладбище отдыхает.

С Бобковым случилось худое. Он хотел извиниться перед старушкой, да язык свинцово отяжелел.

Старушка ретиво перекрестилась.

— Не зря ночесь разглядела во сне такого, как ты, говорка. Тоже все говорил, покуд словами не подавился.

Онемевший язык Никиты приотошел. Попробовал было заговорить, да старушка опередила, спросив его с укоризной:

— Эдак развеселился. Или богатство какое нашел?

Бобков уставился взглядом в окно. Вспомнился внучек, кого был должен доставить в родную деревню. Побито вздохнул.

— Потерял.

Автобус притормозил. С хозяйственной сумкой в руке вошла корявенькая бабенка. Бобков, к ужасу своему, узнал в

ней собственную жену, с которой встречаться не собирался. Катерина, видать, ездила в орсовской магазин и вот возвра — щалась назад. Катерина подсела к нему на пустое сиденье, которое ей уступил усатый жених, и энергично спросила:

— Как съездил — то, Никита?

Бобков промолчал, удивляя этим жену, и она, пожимая плечами, снова спросила:

— Где Валерик — от? Ай его не везешь?

Снова муж ничего не ответил. Тогда Катерина, взяв его за руку, повернула к себе:

— Че с тобой? Кто тебя эдак переиначил? Был веселый звонок — а теперь?

— Не мешай, — попросил Никита, — думаю.

Катерина смутилась:

— Над чем?

— Над вопросом.

— Ай случилось чего?

— Да особо — то не случилось. Вот только Валерик уехал. Куда — сказать не могу, покудова не проверю.

Катерина икнула и моргнула, теряя соображение.

В эту минуту автобус остановился. Заборье!

Бобков пропустил Катерину вперед, спустился с железных ступенек и, приготовившись к самому худшему, сделал два неуверенных шага по пыльной муравке.

— Демон стоногий! — жена затрясла локтями, плечами и головой. — А ну отвечай: где — ка Валерик? Куды его дел?

Бобков окинул тоскующим взглядом родную деревню, словно хотел разглядеть в ней того, кто мог бы его защитить. И на счастье свое, разглядел! Губы его растянулись от уха до уха.

— Мотри! — протянул морщинистый палец к ближней избе, перед которой, мелькая голыми пятками, бегал Валерик, гоняясь за хрипло кокачущим петухом.

Катерина раскрыла рот:

— Это как получилось — то? Это пошто он पहले тебя в деревне — то очутился?

— Я его выслал вперед специально, — ответил Никита, не улыбнувшись, — хотел узнать: потеряется или нет? Как видишь: не потерялся!

ДАЛЬНИЙ УГОЛ

Поезд покачивает на рельсах. Мать с шестилетним сыном едут в Вологду из гостей. Сын общительный. Со всеми перезнакомился. Начал с меня. Чего он только не спрашивал! Сколько мне лет? Где я работаю?

Много ли получаю? Есть ли жена? И почему она дома осталась? Я устал от его вопросов и нарочно уткнулся в газету, чтобы он от меня заскучал.

Мальчик сходу нашел себе нового пассажира. Потом еще одного. Тараторил и тараторил.

В Ярославле в вагон вошел лысый, лет тридцати пяти пассажир. Мальчик тут же возник перед ним.

— Меня зовут Витя! Маму — Лариса Михайловна! А вас

скажите, пожалуйста, как?

Пассажир снисходительно улыбнулся.

— Павел Васильевич.

— А можно я дядей Павликом буду вас звать?

— Что ж, — дядя Павлик развел руками.

— Какой вы старенький, дядя Павлик, почти как мой папа!

Пассажир кашлянул.

— Мой папа — директор Дома культуры! — добавил Витя, повеселев. — А мама моя, — Витя настолько увлекся, что не заметил, как мама дважды его ущипнула, запрещая ему говорить о себе. — Мама моя — кассир. У нее начальник — веселый — веселый. Его зовут Петр Петрович. Он — папин друг. Все время ходит к нам в гости. И папа ходит к нему. А вообще — то папа у нас дома редко бывает.

— Занятый, значит, — сказал пассажир, полагая, что малый выдохся и рассказу о папе на этом наступит конец.

Но Витя вдруг возмутился:

— Занятый — что! Это не страшно! Но он у нас еще и сердитый. Вот вы не сердитый! Вы добрый. Я вижу. Дядя Павлик, возьмите меня с собой. Ну, пожалуйста! Или поедemте к нам!

Павел Васильевич приопешил:

— Это куда? В Вологду, что ли?

— В Вологду! В Вологду!

— Но у меня там нет ни родных, ни знакомых! Негде будет остановиться.

— У нас! — засмеялся Витя. — У нас вы будете жить! К нам часто чужие дяденьки ходят. И вы пойдemте!

— Витя! — остановила малого мама. — Ты уже чересчур! Во — первых, дяденьки ходят не к нам, а к папе. А во — вторых,

ты ужасно громко кричишь и надоел, наверно, всему вагону!

Витя заспорил:

— Нет, не всему! Разве я надоел вам, дяденька Павлик?

— Не знаю, — сказал неуверенно пассажир и, поднявшись с дивана, заторопился к проводнику, у которого тихо спросил:

— До Вологды сколько ехать осталось?

— Часика два, — сказал проводник.

— Нельзя ли на эти два часика к вам? — пассажир посмотрел на закрытые двери купе.

— Что? — спросил проводник с пониманием. — Мальчишка загнал в дальний угол?

— В дальний, — кивнул пассажир, ступая, было в купе, куда вошел проводник. Но тут раздался радостный голос:

— Вижу! Вижу! — По проходу бежал ликующий Витя. — Мой папа тоже прячется от меня! Да зря! Я хитрый! Все время его нахожу!

Пассажир почесал озадаченно около уха.

— Что же мне делать?

— Я знаю! — Витя уже теребил его за карманы. — Мы будем играть.

— И долго мы будем играть?

— До самого дома!

— Чьего это дома?

— Вашего, дяденька Павлик!

— Но я живу в Мурманске.

— Вот вместе туда и поедем!

— К кому поедем? — В голосе пассажира назрела враждебная нотка. Но Витя ее не заметил.

— К вам, дядя Павлик!

— Но там у меня, — пассажир соорил злые глаза, — там

у меня сердитая тетя, почти как баба-яга. Она не любит веселых детей.

Витя захохотал:

— Бабу-ягу мы прогоним! А вместо нее возьмем нашу маму!

— А как же твой папа?

Витя снова захохотал:

— Пусть папа завидует нам!

Пассажир убито вздохнул:

— Ты знаешь, Витя, почему я стал безволосым?

Витя кивнул:

— Вы, наверно, таким родились!

— Нет, нет! И я когда-то ходил кучерявый. Но появился сынок.

— Такой же, как я?

— Такой же, как ты. И все на моей голове изменилось. Было густо, а стало пусто.

Полюбопытствовал Витя:

— А как в голове?

Пассажир покраснел:

— Что ты этим хочешь сказать?

Витя вспомнил вопрос, которым мама его однажды чуть не расстроила папу. Вспомнил и задал:

— Отчего голова дешова?

— Оттого, что волосы облетели, — сказал растерянно пассажир.

— Оттого, что скроена глупо! — поправил Витя теми же точно словами, какими мама в тот раз поправила папу и, оставив дядю Павлика хлопать глазами, пошел искать свежего пассажира, с кем бы можно было поговорить.

Воробьиное утро

(Повествование в рассказах)

БАБУШКА МАНЯ С ЛАЗОРЕВЫМИ ГЛАЗАМИ

Липнет Сергуня к матери со своей назойливой просьбой. Который раз об одном и том же:

— Мам, братика принеси! Скучно без братика. Я бы стал с ним играть.

Мать обычно на — поминает:

— Но у тебя же сестричка есть, Юля.

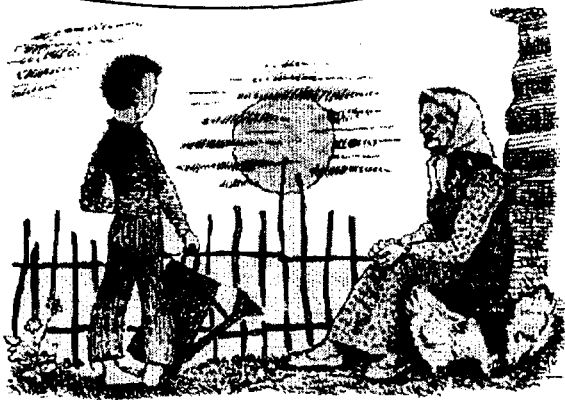
— Кабы была она младше — другое дело. А то она старше и задается, да еще и дразнится каждый день. Братика надо! Мать улыбается:

— Братик — то твой, видать, в огороде. Завивается в кочешке.

Ясно Сергуне, что мать отвечает ему несерьезно. Все шутит. Он даже сердится на нее. И всякий раз, не почувствовав пользы от разговора, быстрее убегает на крыльцо.

И сегодня, по майскому вечеру, тоже убегался. Постоял на крыльце, понюхал дух огуречной рассады, поморщил лобиком и пошел. На улице — никого. Лишь кое — где в огородах видны фигурки людей. Копшатаются среди гряд — кто с граблями, кто с вилами, кто с лопатой.

Не велико Успенье — домов пятьдесят. И Сергуня вскоре

дошел до крайнего пятистенка, где жила бабушка Маня с морщинисто — добрым лицом и лазоревыми глазами. Мальчик хотел уже было назад повернуть, да услышал старушечий голос. Бабушка, низко склонившись, ходила вдоль гряд. Рас — саживала рассаду капусты да напевала:

Не будь голенаста, а будь пузаста,
Не будь пустая, а будь тугая,
Не будь красна, а будь вкусна,
Не будь стара, а будь молода,
Не будь мала, а будь велика.

Зашел Сергуня к ней в огород. Попросил:

— Дай и мне поработать!

Вдвоем и стали сажать. Досадили грядку. А потом Сергуня сбегал под крышу к кадце с дубовыми обручами. Зачерпнул в ней полную лейку воды. Принес и начал сеять дождем из железного с дырками рыла на молодую рассаду.

— А правда, бабушка Маня, что в кочешке капусты может завиться махонький человечек?

Бабушка улыбнулась:

— Об этом лишь сказочка знает.

— А ты ее помнишь?

— От слова до слова.

— Расскажи?

— Сначала польем рассаду.

Раз пять обернулся Сергуня, бегая с лейкою за водой. Наконец старушка уселась на низенькую скамейку и стала рассказывать сказку:

— Жили — были старичок и старушка. Детей у них не было. Вот и надумали вырастить дочку себе на гряде. Нагребли с весны бадеечку снега. Поставили снег на хранение в ледник. Когда на улице потеплело, взяли бадейку со снегом и закопали

ее в изголовье капустной гряды, а сверху рассаду понасажали.

Долго ль, коротко ль, капуста стала расти, завиваться в тугие белые кочаны. Однажды в полночь пришли старик со ста — рушкою в огород и видят: из самого крупного кочана вылезает девочка — снеговушка. Обрадовались они. Забрали малышку домой.

Живут старички. Довольны, что с ними теперь такая пригожая дочка, вся белая — белая, а голосочек тихий да ласковый, как у синички.

Растет девочка помаленьку. Раз отпросилась в лес по морошку. Пошла с корзиной. Ягод насобираала. Вдруг голо — вушка закружилась. Девочка и заблудилась. Идет по лесу ли, по болоту — сама не знает куда. Увидела коровью дорожку. Пошла. Потом овечью дорогу увидела. Та ее привела к избушке. Избушка на куричьих голешках, с дверью из бычь — его пузыря, окон нет. Девочка сразу смекнула: избушка не из простых. Попросила ее:

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом. — Куричьи голешки переступили с места на место. Перед девочкой дверь отворилась. Перешагнула она порожек. Видит: печь, на печи сухенький старичок сидит и сажу перегребает.

Старичок поморщился:

— Уф — фу! Чую русский дух! Чего надо?

Снеговушка сказала:

— Покорми меня, дедушко.

Старичок показал на горшок с молоком. Девочка выпила молоко.

— Теперь покачай меня! — старичок слез с печки, забрался в зыбку под воронцом.

Снеговушка стала качать.

— Спи, старичок, не ворочайся,

Под тобой не вода, не обмочишься.

Заснул старичок. Снеговушка вышла на волю. Слезы из глаз. Подбегает баран. Спрашивает:

— О чем плачешь?

— Боюсь старичка. Чую: проснется, снова нянчить заста-
вит.

Баран отвечает:

— Садись на меня. Отвезу куда надо.

Села девочка. Поскакали по овечьей дороге. Да недолго. Старичок той порой пробудился. Догнал их по запаху да по следу. Загреб снеговушку в охапку, принес в избушку, улегся в зыбку, снова велит:

— Качай!

Что делать? Пришлось покориться.

— Спи, старичок, не ворочайся,

Под тобой не вода, не обмочишься.

Уснул старичок. Девочка вышла из дому. Стоит на крыльце, вытирает ладошками слезы. Бежит мимо бык. Остановлива-
ется:

— О чем горюешь?

— Заблудилась я.

— Сядь на меня. Веником — банником хвост мой закрой. Откроешь его, когда почувешь опасность.

Скачет девочка на быке. По овечьей дорожке, потом — по коровьей. Слышит, сзади старичок догоняет. Вот — вот схватит. Она веник и подыми. Хвост быка вокруг стариковой шеи и обкрутился. Упал старичок, забарахтался, завизжал да тут и остался лежать середь лесу.

А бык в деревню примчался. Старик со старушкой молоком быка напоили, овсом накормили. Тут бык брякнулся хорошо — шенько о землю и превратился в доброго молодца. Снеговушка его целует и обнимает. Вскоре свадьбу сыграли. И стали жить молодые со стариками в согласии и привете, добро наживать да людей уважать.

Кончилась сказка. Сергуня доволен. Вертит шейкой вправо и влево. Тепло. В небе красный закат. Грач на черемухе. В борозде мерцает зеленое стеклышко от бутылки.

— Баб Мань, — спрашивает Сергуня, — а ты бадейку со снегом сюда сегодня не закопала?

— Что ты! Что ты! — испугалась старушка. — Мне ведь нельзя это делать. Можно тому, у кого нет детей. А я со своим Иваном нажила пятерых.

— Иван — это дедушка?

— Дедушка.

— Я не видел его ни разу. Где — ка он у тебя?

— Переселился на край земли.

Сергуня вздохнул и подумал о собственном дедушке Грише. Дедушка умер давным — давно, но Сергуня в это не верит. Он убежден, что дедушка Гриша уехал далеко — далеко, где есть большая страна, куда уезжают все старые люди, когда у них кончается жизнь.

— Мой тоже переселился, — сказал Сергуня и удивился, заметив, что бабушка Маня глядит на него, а его совершенно не видит. Может, она вспоминает то самое время, когда была маленькой, как Сергуня.

— А ты мою бабушку знала? — спросил.

— Марфу — то?! Как не знала! Вместе вечеровали. И рабо — тали вместе. Славной была она, распригожей, царство небес — ное ей.

— А царство небесное где? В небесах?

— Этова, право, не знаю.

— А может, в той стороне, куда вечерами прячется солнце?

— Хорошо, кабы там! — улыбнулась старушка.

— Спрошу учительницу об этом, — пообещал Сергуня и, вспомнив о маме, поторопился домой. Шел и видел сгорав — ший вдали, за домами Успенья, темно — вишне —

вый закат. Наверное, там, за этим закатом, и затерялась большая страна, куда уехали дедушка Гриша и бабушка Марфа, чтобы начать там еще одну жизнь.

В ТРАВЕ, У РЕКИ МОСТОВИЦЫ

Сергуня спит в сарае, куда на все лето вынесена кровать. Спит и видит утренний сон. И вдруг ощущает: кто-то его щекочет — мягко — мягко, будто травинкой.

— Кыш! — Сергуня отмахивается рукой и просыпается, видя в притворе ворот лучистое солнце.

В сарае прохладно. Пахнет овчиной, курами и коровой. Неожиданно слышит Сергуня громкий тракторный дрызг. Это отец, видно, поехал косить колхозную пожню. "А меня — то чего не взял?! — не понимает Сергуня. — Обещал! Как же это?!"

Сергуня соскакивает с кровати. Где штаны? Глаза его бегают сарай, исследуют все углы, старомодный сундук, две натянутые веревки, табуретку и ломаный стул. Нет штанов! Заглянул под кровать. Там какие-то тряпки, ведро и большие отцовские сапоги. На лице у Сергуни испуг.

— Ма-ам! — кричит.

Но в ответ — тишина. Лишь рокочет баском залетевшая муха. И тут Сергуня стыдливо краснеет. Штаны не где-нибудь, а на нем! Позабыл, видно, с вечера снять, в них и спал.

Выбегает Сергуня во двор. И видит рокочущий трактор. Тот уже где — то на скотном прогоне. Вслед за ним серым облачком катится пыль.

Рассердился Сергуня. Захотелось чего —нибудь сделать на вред. Спустился с крыльца и нарочно, точно желая кого — то расстроить, уселся в сырое корыто, в котором кормили кур с поросенком. Неудобно в корыте и тесно. Но Сергуня сидит. Пусть все видят, что он обижен.

— Это чего? — слышит оклик из — за калитки. — Чего в мокро — то уселся? Сергунька?!

Во двор заходит румяная, в белом платье цветами Сергу — нина мать. Ступает она осторожно. В эмалированных ведрах под коромыслом плавают, смиренно качаясь, два лопуховых листа.

— Иль опять на кого осердился?

Голос у матери мягонький, нежный, будто гладит сына по голове. Но Сергуня фыркнул и личико в сторону отвернул.

— А чего он уехал? Чего не дождался?

— Это папка — та, что ль?

— А то кто!

Мать слегка наклоняет шею, и коромысло смещается с ведрами, делая круг с одного плеча на другое.

— Не сердчай на него, Сергунька! Ждать ему недосуг. Сенозорье, самый разгар. Всяк колхозник теперь у работы, как подмастерье. И я вот в лужок побегу. Будем сено метать.

— А телянки? — Сергуня встает из корыта.

— За телянками Юля следит. Слава богу, большая.

Забирает Сергуню зависть. Сестра его старше всего на три года, и вот — получила работу.

Сергуня входит за матерью в дом. Умывается. Пьет молоко. И, сердясь на сестру, замечает:

— Чем Юлька — та лучше меня? Я и бегаю пуще! И кричу, как труба! И телята меня боятся!

Улыбается мать:

— Собирайся и ты! Ну — у? Чего?

Сергуня доволен. Но выказать радость не хочет.

— Ладно, — скупое, точь — в — точь отец, когда кому — нибудь уступает, соглашается он. — Чего уж мне с вами делать. Так и быть, попасу. А Юлька? — вдруг вспоминает сестру. С ней он поссорится непременно, если останутся оба при стаде.

Мать успокаивает его:

— Юлю с собой заберу. Один — то с телками не побоишься?

— Заяц я, что ли?

На сборы Сергуня время не тратит. Мама готова, а он и тем паче.

В деревне безлюдно. Все сегодня на сенокосе. Одна лишь бабушка Маня сидит на крылечке крайнего дома, греет на солнце дряхлые кости.

К загону с пасущимся стадом ведут две дороги. Одна пробегает солнечным полем, где наливается нежно — молочная рожь. Вторая — прогоном, закрытая справа и слева жердями, вечно унылая, без травинки и перебитая ямками от копыт.

В поле, как и в деревне, так же безлюдно и тихо. Только овсянки да воробьи порхают среди зеленых колосьев. Тепло. Пахнет землей и цветущей полынью.

Мать идет, выбирая обочинку, где мурава, а Сергуня ступает середкой дороги, чтобы ноги тонули в пыли, в которой им и прохладно, и мягко.

Идти до загона два километра. Прошли их скоро и незаметно. Загон огорожен осеком — срубленным прямо на месте

* Осек — временная изгородь около леса.

ольхово — осиновым лесом. Виднеется стадо телят, где — то за ними мелькает быстрая Юлька. Мать показывает Сергуне на тракторный след, подмявший не только траву и кустарник, но и звено огорожи.

— За этим местечком дозорь, — говорит она, проходя сквозь пролом. — Там — то в клетке они не денутся никуда. А тут с одного в хлеба заберутся.

— Топор бы был, — замечает Сергуня, — одним бы махом загородил.

— Без тебя загородят. Дедко Михайло придет.

— А кто огорожу — то эдак? Трактор, что ли? — спрашивает Сергуня.

— Зимогорушко в тракторе, дедка Михайла сынок. Дорогу, вишь ли, спрямлял по загону — все тут чисто и своротил.

Мать одного от Сергуни желает, чтобы тот хорошенько запомнил, чего она требует от него.

— Проворонишь — накажут меня.

Сергуня сопит. Недоволен, что с ним обращаются, как с малолетним.

— Что я — растяпа?

— Нет! Нет! Ты работничек у меня. На — ко! — мать достает из хозяйственной сумки узел с едой.

Подбегает Юлька, веселая, яркая, как стрекоза. Из — под косыночки в синий горошек выглядывает косичка. Узнав, что мать забирает ее с собой, она заливается радостным смехом, хватая Сергуню за шею и дарит ему озорной поцелуй.

Сергуне стыдно. Бормочет что — то сердитое и рукавом полосатой рубахи вытирает то место лица, куда его так неожиданно чмокнула Юлька.

Сергуня один. Мать с Юлькой, белея платьями, как две капустные бабочки в огороде, торопятся вниз по покатому склону к реке, где вдоль берега вьется тропа, уводящая к сенокосу, откуда, сглушённый листвой перелеска, слышится

рокот машин, чей — то смех и конское ржание.

Сергуня выломал вицу. С нахмуренным видом ходит подле телят. Вица гибкая у него. Стеганет по воздуху — свист такой, что телята водят ушами. Сергуну нравится быть недовольным.

— Эй, бояки! — кричит на телят, чтоб подальше их отогнать от пролома.

Стадо скатывается по склону. Там загон как загон. Никуда из него. Впереди — река, по краям — два лохматых, в торчащих сучках и ветках осека.

Солнце выше и выше карабкается по небу. На него невоз — можно смотреть. Оно яростно — белое, огневое. Сергуну хочется пить.

— А ну самоходом! — Он набегает на стадо, угрожая ему высоко поднятой вицей.

Телята сгрудились у воды, почему — то дальше идти не желают. Закатав на ногах штанины, дозорщик бухает по осоке, набирает в кепку воды и, зажмурившись, пьет.

"А они — то чего не хотят? — не понимает Сергуня, поднимаясь среди телят на заросший дербенником берег. — Видно, Юлька их напоила". И тут в его голову залезает опасно — азартная думка: "Что если взять да их всех затолкать в реку? Поплывут или нет? Поди, поплывут. Всяко ведь плавать умеют. Погляжу, как держатся на воде: лучше людей или хуже?"

Забравшись повыше на берег, Сергуня берет хороший разбег и отчаянно прыгает в стадо.

— Впер — ред! — Голос его взлетает над побережьем. Коленками и руками пихает телят в осоку.

— В воду! В воду! — кричит, продолжая заталкивать молодняк в зеленый приплесок прохладной реки.

Неожиданно крайний к воде белорожий теленок взбурлил копытцами жиденький ил и, придавив Сергуну голую ногу, так

* Дербенник — пойменная трава.

ретиво метнулся на берег, что только хвостик его мелькнул.

Смотрит дозорщик, как белорожий, взрывая траву, несется к верхнему краю загона. Сергуня и рад бы его удержать, да не знает, как это сделать.

— Эй ты! Куда — а?! — растерянно машет руками.

И тут случилось такое, чего караульщик не ожидал. Молодняк, будто кто его надоумил, чавкнул копытами, колыхнулся и стремительно дал стрекача, оставив Сергуню среди осоки.

“Все! — испугался пастух, пускаясь за стадом по косогору. — Мамка — та, видно, не мне, а пню говорила! Чего вот теперь они? Все как один за тем белорожим. Хлеба потравят и перетопчут. Вот уж мне будет! А мамке? Ей — то чего? В тюрьму, поди — ко, посадят. Ну и змей я горынович. Ну и вредняга...”

Хнычет Сергуня. Телята возле пролома, вот — вот хлынут в зеленую рожь. Сергуня бежит, спотыкаясь, падая и вставая.

Впереди, от кустов меж осеком и полем, слышится крик:

— Эко, демоны — ы! Осади — и!

Изумился Сергуня. Слезы высохли на щеках, а губы вытянулись в улыбку. В разломе осека в косо надетой на грудь рубахе, цветной камилавке, с палкой в руке стоит приятель его, третьеклассник Валерка.

Молодняк отхлынул назад, присмирел, успокоился, тихо — мирно приткнулся к траве. А Валерка, отбросив батог, сделал к Сергуне бахвалистый шаг:

— Чего, салажонкин? Небось, испугался?!

Сергуня сконфужен, весел и рад.

— Откуда ты взялся? Как нашел — то меня?

— Навела бабка Маня.

— Ты, что ли, искал?

Валерка напомнил:

— Ведь договаривались с тобой верхом на лошади прока —

титься.

— Не выйдет, — сказал Сергуня. — Смирные лошади на покосе. В стойле один Атаман, чистый зверь. Сам дед Михайло с него нырлял, едва не убился.

Валерку это не задевает.

— Дедко неповоротлив, да и смелости в нем не боле, чем у овцы.

Сергуня смеется.

— А что! Лошадей не дают — дак мы и без спросу. Конюшню ныне не запирают. Завтра с тобой и сгоняем!

— Ладно! — согласен Валерка. — Только, чур, первый я! — Он поглядел внимательно на Сергуню и спросил, пряча руки в карманы:

— Что такое: маленька, кругленька, из темного в темное скачет, весь свет обскочет, ни к чему не годна, а всем нужна?

— Где уж мне, — Сергуня вздыхает с завистью и досадой.

— Тебя, наверно, отец научил. Тебе хорошо! Он вон какой шустрый и умный!

Валерка покачивает плечами и достает из кармана пятак. Достал — и в другой карман переложил.

— Из темного в темное скачет! — И засмеялся.

— Денежка! — догадался Сергуня. — Просто — то как! А ещё — то давай! Посмеши, а, Валер?

— Что я, хохмач? — удивился Валерка.

— Не хохмач! — уговаривает Сергуня. — Просто смешней у тебя выходит.

— Уговорил! — оглянувшись по сторонам, Валерка вдруг переходит на девичий голос:

— Это, девочки, не озеро,

Не озеро — река.

Это, девочки, не мальчик —

Половина дурака.

Ничего Сергуня не понимает, однако весь потянулся к Валерке — ждет, что тот ему объяснит.

— Ты чего? — подтوراпливает его. — Спел частушку?

— Нет, салажонкин. Частушки по радио выпевают. А это погудка. Вчера от Нинки Казариной слышал. Тебе — то как она? Нравится, а?

— В общем — то да! Непонятная, правда.

— Девочки все непонятные, а Нинка тем паче.

— Да я не про девочку! Я про частушку!

А Валерка будто его и не слышит, знай, сбивает на озорное:

— Женился на ней бы ты, а, салажонкин?

Сергуня не знает: то ли ему сердиться, то ли смеяться. Повернувшись к приятелю, вдруг высовывает язык.

— Сам женись! — И толкает Валерку: — Ляпа — а!

Загон не велик: шагов сто в ширину да триста в длину, однако и этого места довольно, чтоб нашалиться на целый день.

Наигрались ребята, набегались в догонялки, посвистели, поквакали, как лягушки, поймали ящерку на пеньке. Наконец утомились, нажарились на припеке, возвратились к деревьям, где тень, и блаженно упали в траву.

Клонило к дреме. Сергуня зевнул.

— У тебя язык — от узкий какой, ровно шило, — сказал от нечего делать Валерка.

— Мамкин, видать, — улыбнулся Сергуня.

— А у меня отцовский! Ишь, широкий какой! Не язык, а печная лопата. Хоть пирог на него клади. Пирог — то есть у тебя?

— Угу! — Сергуня сходил до корявой березы, снял с сучка узелок, куда мать положила крупитчатый каравашек да бутылку топленого молока.

Поели и даже маленько вздремнули. Телята тоже зашли в холодок под зелеными ветками вдоль огорожи, потерялись

лениво друг с другом лбами и, разморенные, улеглись. Мелькнул парашютиком дрозд — белобровик, пропел и куда — то бес — следно исчез, точно спрятался в воздухе, как невидимка. Стало скучно. Валерка поднялся.

— Ты куда? — испугался Сергуня.

— В телевизоре будет кино.

— А какое?

— Детское.

— Как название?

— Утром помнил, теперь позабыл.

Хорошо тебе! А мне — ка до вечера с ними. — Сергуня убил на ноге паута и нехотя встал.

— Пойду покатаюсь верхом на теленке. Все веселей.

Валерка, сделавший шаг к пролому в осеке, остановился.

— Ты что? Умеешь? — искренне удивился он.

— Умею.

— А мне разрешишь?

Сергуня махнул рукой на дремавшее стадо:

— Вон их сколько. Садись на любого.

Валерка выбрал бычка покрупнее, с коротенькими рогами.

— Туко — туконька, — ласково подманил. Еще не забрался ладом, а понял — недолго на нем просидит. Но отступить было поздно.

— Пошел! — приказал потихоньку, вцепившись руками в гладкую шерсть.

Бычок подпрыгнул. Валерка начал было крениться, но подоспевший Сергуня его поддержал. Бычок промычал, ка — залось бы, мирно предупреждая, чтобы мальчишка немед — ленно слез. Но Валерка, покачиваясь, держался. И тогда теленок решил показать, насколько он может быть опасным и вредным, если кто — то посмеет на нем прокатиться верхом. Вновь скакнул он, воруя шей. Потом еще. И еще. На пятом прыжке Валерка стремительно приземлился, перевернувшись

в траве через голову так, будто показывал сложный спортивный номер.

Сергуня расхохотался. Валерка, поднявшись с земли, схватил в обе руки сухую жердину, и давай охаживать ею телят.

— Не смей! — возмутился Сергуня и бросился на Валерку. Валерка кинул жердину.

— Сдурел?!

Сергуня остановился.

— А чего их стегаешь? Чего?

— Погляди! — Валерка хлопнул рукой по штанам. — Видишь, как умарал! Мне что — дома не попадет? Попадет! У меня отец — от не твой! Секёт вицей за каждый пустяк. А штаны — то новые были.

Злость у Сергуни прошла.

— Что верхом — то катался — не говори!

Валерка ушел, и Сергуну сразу стало уныло и тускло. Чем бы заняться? Стадо опять улеглось в тень кустов под осеком.

Сергуня залез на осек, привалился к спаренным кольям. Сидит, оглядываясь кругом. В небе ни тучки. Листва на березах не шевельнется. Сквозь ракитник синееет река. Сергуня вдруг ни с того, ни с сего объявляет:

— Я здесь! — И удивляется, обнаружив свой голос сразу в нескольких разных местах.

Слепни с пауками по — прежнему колют через рубаху, и всё — таки дрема берет караульщика в плен. Сергуня видит длинную, в спелых хлебах травяную дорогу, пыль из — под ног жеребца, а на том жеребце самого себя, летящего бойко и весело, словно ветер.

Ржанье. Храп. Чей — то голос. Сергуня распахивает глаза. Перед ним саврасая с черной гривой и черным хвостом коренастая лошадь, с седла которой слезает конюх Рухлов.

— Дедко Михайло! — Сергуня машет рукой, улыбается и желает понять: — Ты откуда?

Дед, повозившись с завязкой, снимает с седла замотанный в тряпку топор.

— С сенокосу, Сережка! Сено на Доле граблил. А ты сторожишь?

— Сторожу.

— Леших — то не боиссе?

— А чего их бояться! Их нету!

— Это кто так сказал?

— Анна Васильевна, в школе.

— Двойки, поди — ко, она тебе ставит?

— Не — е! Я четверошник!

Меж разговором Михайло ссекает несколько долгих ольшин, счищает с них ветки и волокет одну за другой к месту пролома.

— Кем стать — то хочешь? Небось инженером?

Сергуня согласен:

— Инженером на вертолете! Буду на нем сторожить колхозное стадо.

— Но таких вертолетов нет.

— Придумаю. Будут. Вот только кончу десятилетку. Тут вертолетами и займусь.

Старик отставляет топор, которым вгонял в землю острые колья, глядит на малого, улыбаясь:

— Тогда ты всех пастухов, поди, и заменишь?

— Всех не всех, а работу, что потяжоле, себе заберу.

Уложив ольховые жерди в звено осека, дед Михайло выводит свою черногривую Долю в ворота загона, приторачивает топор и садится верхом.

Сергуня опять остается один. Теперь и дел никаких. Пролом загорожен. Можно бы тоже, как дедку, домой. Но он подождет. Скоро, наверно, вернуться с покоса Юлька и мать, лишь отец, как вчера, запозднится снова до самых потемок.

Подул ветерок, донося через лес стихающий шум сенокос —

ного луга. Казалось, кто — то невидимо — крупный, трудолю — бивый несет на спине огромную ношу травы, распространяя по всем урочищам запах зеленого сена, кряхтенье и топот тяжелых сапог.

Солнца уже не видеть. Лишь розовый свет заката слабо колеблется сквозь листву. Листва отчаянно ловит гаснущий свет, пытаясь его удержать, чтоб подольше остаться в днев — ном, которое ей роднее и ближе, чем подбирающаяся ночь.

Вечер надвинулся сразу. Стало вокруг беспокойно и грозно. И тут из сумерек леса возникли две светлые, в платьях, фигурки. Сергуня узнал в них мать и сестренку. Замахал руками:

— Вот он я! Вот!

ЗМЕЙ — ГОРЫНЫЧ

Затаился Сергуня у двери, в двух шагах от порога в кухню. По столу ходил во — робей и покле — вывал хлебные крошки. Был он эдакой бойкий, бывалый, видать, настоя щ и й

смельчак. Заскочил даже в блюдо с недопитым чаем, потоп — тался, чирикнул и, выпрыгнув, мигом уселся на горбушку хлеба в тарелке.

Сергуня шепнул:

— Ешь сколь надо. Никто тебя не прогонит. А меня ты не бойсь. Я ни капли не страшный.

Сергуня ступил на порог. Смельчак — воробей моментально вспорхнул, исчезая в створе окошка.

Сергуня прошелся хозяином по избе. Никого. Мать с отцом снова, видно, на сенокосе. И Юлька, наверное, там. А ему сегодня решили дать отдых.

Сергуня поел и собрал со стола посуду. Вымыл ее. Подмел березовым веником пол. Все дела. Больше с него ничего не спросят. В предчувствии полной свободы он забрался на подоконник. Запах подкошенной мяты, стайка синиц в дворовой муравке, дорога с купавшимся в мягкой пыли петухом — во всем он видел походку зеленого лета. И к этой походке хотелось пристроить свой шаг, затеряться в зеленом и теплом и, растворившись в просторе лугов, почувствовать полную волю.

Едва Сергуня спустился с крыльца, как увидел ребят во главе с долгоногим Валеркой. С ним были младший брат Валерки Алешка, он ныне пойдет в первый класс, второклассники Шурка и Гемка, двое друзей, боявшиеся каждого, кто их сильнее, отличник Юра из третьего класса. Ребята вышли из — за забора, согнали рыжего петуха и повернули к Сергуне во двор.

— Вот и мы! — возвестил Валерка, ступая первым навстречу Сергуне.

— Готов?

— К чему?

— Да на лошади — то верхом!

Сергуня поморщился:

— Тихо, — и показал на забор, за которым, круто согнув —

шись, с лопатой в руках похаживал толстый старик. — Вон конюх. Услышит — такую нам лошадь задаст.

Ребята, как заговорщики, плотно сомкнулись. Сергуня шепотом приказал:

— Все врассыпную. Встречаемся у конюшни.

Конюшня метрах в трехстах за деревней. В ней шесть лошадей. Лошади все, наверное, на работе. Но ребятам всех и не надо. Главное — Доля на месте. Доля — самая смиренная лошадь. На ней обычно работает дедко Михайло. А раз Михайло сейчас в огороде, значит, и Доля его в конюшне.

Собрались ребята возле широких ворот конюшни. В запоре ворот поигрывал с солнышком тракторный шкворень. Вынув шкворень, Сергуня обвел ребят взглядом:

— Значит, первый — то кто?

Шурка с Гемкой пожали плечами. Юра вздохнул. Алешка же, улыбаясь, взглянул с восторгом на старшего брата. Валерка похлопал себя по груди, давая понять, что поедет на лошади он.

Сергуня открыл ворота. Пахнуло старыми хомутами. В глубине раздался глухой переступ. Потом тишина. Казалось, в ней прятался кто — то большой и опасный. Сергуня снял с деревянной спицы уздечку, слепо блеснувшую удилами.

Пошли!

Мальчики двинулись за Сергуней. Ему смелее, чем им, потому что бывал он здесь часто, и конюх ему иногда позволял надеть на коня ременную узду, вывести лошадь до коновязи, а то и проехаться верховым.

Тяжело прохрипел стоявший в сумерках денника Атаман. Мальчики вздрогнули, кто — то присел, а Алешка, поймав Сергуню за палец, спросил восхищенно:

— Он кусачий?

— Лягачий! — ответил Сергуня.

* Денник — стойло для лошадей.

- А кто на нем ездит?
- Видел одинова дедка Михайла. Но жеребец его уронил.
- Плохо ездить умеет?
- Не. Выпивши был. А хорошие кони пьяных не терпят.

С разговором дошли ребята до крайнего стойла. Заглянули туда. А там — никого. Растерялся Сергуня:

- Как это так?

Ребята насупились, усмехнулись, а Валерка сердито спросил:

- Доли, что ль, нету?
- Ну да. Видно, дедко отдал кому — то граблить на ней сено.
- Нечего было и обещать!
- Откуда я знал! — оправдывался Сергуня.
- А нам что за дело! — Валерка обиженно повернулся. — Айда, ребята, отсюда! Чего с пустомелей зря говорить!

Сергуня, видя, что все ребята пошли к воротам, потерянно заморгал, сердце его сдавила обида, и он расстроился, как горемыка, с кем только что были друзья, и вот они его покинули.

— погоди! — прокричал с отчаянием и надеждой. — Нету Доли, так есть Атаман! — И уставился на Валерку.

Валерка не сразу нашелся, что и ответить. Шурка с Гемкой переглянулись:

- Не конь, а страшилище на копытах!

А Юра качнул головой, заметив не без боязни:

- Рискованно на таком! Можно шею сломать.
- Шея — ладно, — сказал наконец и Валерка, — а кто его зануздает? Ты — ы?! — И посмотрел с сомнением на Сергуню.

— Зануздать не хитро! — ответил Сергуня и испугался, сообразив, что конь почти не объезжен, и неизвестно, как еще встретит в своем деннике незнакомого человека. Однако поздно уже отступать. Осторожно, бочком, прижимаясь спиной к заборке, вошел он в широкое стойло. Придвинулся к морде коня, готовый немедленно отскочить, если тот вдруг

проявит к нему враждебность. Но конь затаился, почуяв что — то приятное для себя, и, может, поэтому был таким смирным, пока Сергуня, встав на кормушку, снимал с него недоуздок с цепочкой, а после, моргая от страха, напяливал брякавшую узду.

Когда надел ее, улыбнулся и, потрепав вороного по шее, стал разворачивать так, чтобы конь оказался хвостом к кормушке.

Ребята белели рубашками из прохода. Сергуня выбрал глазами Валерку:

— Залазь на заборку. С нее пересядешь на Атамана. Не бойся! Я подержу!

Лицо у Валерки переменялось.

— Не. Я потом. Лучше ты. Ты, это, первым...

— Не надо! — воскликнул Юра, переведя взгляд с Сергуни на Атамана. — Вон он какой!

— Чистый зверь! — поддержали приятеля Шурка с Гемкой. — Лучше пойдем на реку.

— Оставляй его тут, — согласился с ребятами и Валерка, — а то еще станешь зайкой, а виноватыми будем мы.

Руки Сергуни уже потянули было коня за повод — поставить его обратно к кормушке. Однако слова Валерки словно хлестнули Сергуню по лицу.

— Нет уж! — сказал он с вызовом и упрямством и стал залезать на заборку, опасаясь лишь одного — как бы конь раньше времени не рванулся.

Но Атаман стоял неподвижно, следил оливковым глазом за храбрецом.

Сергуня влез на заборку и сразу, не мешкая, опустился, учуяв пятками ног горячую кожу коня. Тут же его хорошенько трянуло. Прогромыхали копыта. Послышался чей — то возглас: "Убьет!" Но возглас был заглушен раскатистым ржаньем.

Атаман, задирая морду, выбежал яростно из ворот — черный, огромный, неудержимый. "Куда это он? — подумал с

опаской Сергуня, забыв, что конем управляет повод, который он крепко держал в обеих руках. — В деревню? — И напугался. — Затопчет кого —нибудь там. Нет, Змей — Горы — ныч! Врешь! Не уйдешь!"

К счастью, он вспомнил выучку деда Михайла держаться за повод лишь левой рукой, смещая конское рыло туда, куда тебе надобно ехать. Сергуня повел круто вправо, почти в полукруг, сбивая коня с дороги в деревню. Внизу зашуршала татарская лебеда, и покатилась, звеня, пустая консервная банка.

Ослабил Сергуня узду лишь тогда, когда впереди вдоль овсяного поля открылся белевший цветами поповника старый проселок. Конь поднялся на задние ноги и, пожевав удила, ретиво пошел по прямой, срубая копытами нежные шляпки ромашек.

Горло и лоб окатило ветром. Ветер был ласковый и шер — шавый, точь — в — точь небритые щеки отца, когда тот, играя с Сергуней, внезапно его поднимал, прижимая к себе.

Сам не зная зачем, Сергуня запальчиво торкнул пятками ног по бокам вороного. И сразу взлетел, как на жутком тряске. Взлетел, опустился и понял, что Атаман перешел на галоп. "Сейчас навернусь!" — догадался Сергуня, почувствовав круп — ную тряску, к которой он был не готов. Тело его проскольз — нуло вперед, а пальцы рук инстинктивно схватились за гриву.

Он не сразу зажмурил глаза, потому изумился, увидев рухнувший вниз, на овсяное поле, заполненный светом сме — шаный лес. И небо сумел разглядеть, оно слишком резко рванулось ему навстречу и подхватило отчаянно вверх. Под — хватило и бросило вниз. И вот тут — то Сергуня зажмурил глаза.

С минуту, наверное, он ничего не слышал, не видел, не понимал, словно куда — то вдруг вышел из собственной жизни, а когда возвратился в нее, то почувствовал, что лежит, ощущая затылком, спиной и ногами жесткую землю.

Тишина. Сергуня пошевелился. Увидел иву над головой. И

синее небо увидел. И ястреба в нем разглядел. Вскочил

Сергуня, как на пружинах, и удивился, что ничего в нем не ноет и не болит, лишь чуть — чуть саднило около уха.

Отряхнулся Сергуня и огляделся. Слева — поле, справа — кустарник, впереди по дороге — березы и елки, позади — пологая крыша конюшни и смутная строчка почтовых столбов.

Спину Сергуни продрало морозцем. Предстоит отвечать. Все, что он сделал, было ужасно. Отворил самовольно конюшню. Взял без спросу коня. Неудачно на нем прокатился. И наконец его потерял. Сделав рупором руки, он безнадежно позвал:

— Атама — ан!

Никто ему не ответил. "Лучше бы мне убиться, — подумал Сергуня, — во бы поплакали надо мной". Он понуро вздохнул, посмотрел на блеснувшую в воздухе паутинку, почесал возле уха и понял: в деревню сейчас возвращаться нельзя. Размахнувшись ногой, пнул по кусту овсяницы и поплелся к еловой опушке.

Окунулся в хвойную тень. Побрел среди старых деревьев и вздрогнул, заметив на толстой сухаре живой человеческий глаз. Глаз смотрел на него и загадочно усмехался. Сергуня и сам в свою очередь усмехнулся, сказав громко вслух:

— Это сломанный сук. Он мертвый. Пусть боятся его бояки!

Однако дальше в лес углубляться он передумал. Уселся на пень с зеленеющим вокруг него хвойным подростом. И тут услышал мальчишеский крик, раздавшийся от конюшни:

— Серега — а?! Ты жи — и — ив?

Он набрал было воздуху в грудь, чтоб погромче ответить, да разобрал за спиной бормочущий шорох хвои, который сказал сиплым голосом:

— Жи — иввв!

Сергуню подбросило с пня. Ноги сами рванулись бежать из

лесу, но он превозмог свою боязливость. Повертел головой.

Глаз с сухары косил на него все с той же загадочною усмешкой. Пониже, как раз перед мертвым деревом, густо свисал молодой лапничек, в котором, казалось, кто — то только что скрылся.

Сергуня вернулся к опушке. Нашел в траве заплывшую мохом колоду. Улегся, положив голову на нее. "Куда я теперь?" — загадал. Возвращаться к ребятам ему не хотелось: будут давать советы, сочувствовать да вздыхать. "Сейчас бы заснуть — помечтал. — Проснуться бы через сутки. Все ищут меня. А я тут и есть! Жив — здоров! Сам нашелся. И Атаман уже в стойле. Всяко бы к этой поре он нашелся".

Не лежалось Сергуню. "Где он? Где Змей — Горыныч? Мо — жет быть, на реке? На какой вот только? На Мостовице или на Сонной? Наверно, на Сонной".

— Поймаю! Не демон с хвостом! — подбодрил Сергуня себя и проворным шажком пошагал вдоль овсов.

Сонная смирно несла свои воды между пожен и перелесков. Сергуня выбрался к ней в самом широком ее разливе. Речка покрыта мостами купав, стрелолистов, кубышек и рясок. Направился вниз по течению, ближе к Успенью.

Атамана не видно. "Может, и не было здесь его вовсе? А может, где затаился?" Шел Сергуня то тропкой, то кустоло — мом. Жарко. Но раздеваться опасно: сожрет комарье. И потому Сергуня, выбрав место в реке, где вода посветлее, прямо в одежде и бултыхнулся. Поплескался, пофыркал, поухал — и снова на берег.

Впереди, в черемухах, прошуршало, и Сергуня увидел чернеющий круп. "Атаман! Боле некому..." Он ускорил шаг — жок. Но когда подошел, то понял, что обманулся: среди черемух спасалась от оводов чья — то корова.

Сергуня хотел уже было свернуть по тропинке к деревне, да вдруг разглядел на излучке реки плывущую лодку. Солнце

слепило глаза. Однако рассматривать лодку оно не мешало. Шла она медленно и спокойно. Сергуня ждал, когда она подплывет. Но дождаться не смог. Удивило его, что люди сидели в лодке не шевелясь.

— Эй вы! — позвал осторожно.

— Чиво? — пискнул хохлатоголовый чибис, делая круг над рекой.

— Нужен ты мне! — покосился Сергуня на птицу и, чуть согнувшись, стал пробираться между горбатых раки. Когда проник на открытое место, то раздраженно схватил и вырвал с корнями куст белоуса. Было досадно, что вновь обманулся. На гладком плесе реки лежала, торча земляными корнями, большая осина, напоминавшая издали лодку с гребцами.

И тут ощутил Сергуня усталость. Теперь бы вот здесь, в траве, возле Сонной, в прохладе кустов, чуть — чуть отдохнуть. Но он пересилил себя и повернул от реки.

По небу плыли спокойные облака. Они добродушно белели, как знали, что там, куда они приплывут, будет им так же светло, как и здесь, над зеленым урочищем речки Сонной. "Все равно им хуже, чем мне, — упрямо отметил Сергуня. — У них нет дома. А у меня он в деревне..." И опять затужил, вспомнив с грустью Атамана. "Приду вот домой, — решил про себя, — посплю два часа и снова направлюсь искать. Всяко до вечера — то найду..."

Солнце висело в зените, когда скиталец приплелся в деревню — искусанный, в грязной одежде, с царапиной на носу. В голове у Сергуни кружилось. Изба с нахлобученной крышей, к которой держал он дорогу, вдруг наклонилась. "Пока — залось, — поморщился он. — Голову солнышком накалило, и глаза стали видеть не как обычно".

Так же, как наклонившейся низко избе, не поверил Сергуня и дедку Михайлу, который возник в поперечном проулке, ведя в поводу вороного коня. "Померещилось снова", — тряхнул

головой. Однако дедко Михайло, выпятив толстый живот, махал дерматиновой кепкой:

— Отколя, соколик?

Сергуня откликнулся:

— С речки.

— Неуж тебя Атаман на Сонной оставил?!

Сергуня застенчиво промолчал. Врать не хотел, однако и правду открыть не решался. Но деду ответ его был и не важен.

— Слава те богу, живой! А то дружки — то твои мне сказали, будто бы ты середь лесу убилсё! А ты, гляжу, вроде как и не ранен? Эдакой конь! Как он тебя? Хорошо уронил?

— Дорога — то вон, — ответил, оправдываясь, Сергуня, — вся в ямах. Каб не оне...

— Вот демонок! — рассмеялся старик, колыхнув животом и плечами. — На самом Атамане скакал! Да ты не робей. Кто бы ругал тебя, только не я. Люблю смельчаков!

Сергуня потупился:

— Я еще не смельчак.

— Ничего! Ничего! — успокоил старик. — Будешь! Только давай, Сережка, договоримся: захочешь кататься на Атамане — меня упреди. Без спросу не надо. Идет?

— Идет, — согласился Сергуня.

Дедко Михайло повел Атамана к конюшне. Сергуня же, робко помявшись, присел на ступеньку чужого крыльца. Было ему и радостно, и смущенно. Конюх, которого так он боялся, взял да и снял с него всю вину.

Огляделся Сергуня. Пригретая солнцем дорога, идущий по ней вслед за конюхом вороной, избы с березами, воробей на поленнице дров с крохой хлеба во рту — все здесь было таким деревенским, привычным, своим, что он улыбнулся. И стало ему легко и беспечно, как воробью на поленнице дров, под клювом которого трепыхалась ржаная корочка хлеба.

МАКОВКА ЛЕТА

Сегодня Сергуня
встал на заре.
Отец только — только
уселся за стол, на ко-
тором дымилась жа-
ренная картошка.

— Я тоже с тобой!
— объявил Сергуня.
Отец повернул к нему
прокалённое солнцем
сухое лицо.

— Мы ведь сегодня в Верховье, — назвал урочище, где
когда — то жили переселенцы. — До туда все двенадцать верст.
Не далековато ли для тебя?

— В самый раз! — заверил Сергуня и тоже уселся за стол.
Все дело едва не испортила мать. Пришла со двора и, как
только узнала, что сын собирается на покос, замахала руками:

— Не! Не! В экую даль! Не пуцу!

Сергуня расстроился.

— Что я, не ездывал на машинах?!

— А кто обратно тебя привезет? Отец — от там остается.
Севодни вторник. Быть может, только к субботе вернется.

Отец поднялся.

— Ладно, — сказал, — пусть уж съездит. По вечеру и
вернется. С Гриней.

Машина стояла возле колхозной конторы. В кузове тесно сидели парни и мужики. Отцу уступили место где-то в середине. Сергуня пробрался к кабине. И удивился, увидев вдруг рядом с собой одноклассника Юру.

- Ты — то куда?
- Сено косить!
- Я тоже!
- Ты с кем?
- С папкой!
- И я!

Грузовик заурчал. В кабину уселся дядя Илюша Капустин, Юрин отец, звеньевой сенокосной бригады. Посмотрев из распахнутой дверцы в кузов, дядя Илюша спросил:

- Все собрались?
- Все — ка!

Машина рванулась навстречу избам, заборам, столбам и березам, потом — пустырю со строительным краном, затем — бледно-синему полю цветущего льна, а после — увитым зелеными лапами елкам и соснам.

Лесом дорога пошла веселей. По сторонам то замшелые пни с растущими прямо из них кустами жидких осинок, то плотно друг к другу прибитые зонтики дремлющей сныти*.

Ехали около часа. От встречного ветра Сергуня и Юра озябли, однако храбрились друг перед другом и даже делали вид, что им слишком жарко, поэтому расстегнули свои пиджачки, принимая летящую свежесть не только лицом, но и грудью. Первым не выдержал Юра. Спросил:

- Ты не озяб?

Улыбнулся Сергуня:

- Маленько спотел. Пожалуй, разденусь. — И тут же снял

* Сныть — лесная трава.

с себя пиджачок. Попышлав, как пышкают в бане, когда донимает жара, стал было расстегивать и рубашу, но в эту минуту послышался скрип тормозов, и машина остановилась.

— Это и есть Верховье? — спросил Сергуня.

— Это, — ответил отец.

Возле реки в ивняках стрекотала косилка. Наверное, там работал дедко Михайло. Вчера перегнал сюда всех лошадей и вот уже косит.

Загляделся Сергуня на берег реки и с машины спустился последним.

Травы нынче много. Она завладела всей поймой реки, всеми ее островами, мысами и длинными клиньями дуговин, что вползли в березовые поляны. Трава подчинила себе всех людей, заставила их на себя работать. И чтобы взять ее всю, надо было пройти по ней не только на тракторной, но и на конной косилке, и непременно вручную, с обыкновенной крестьянской косой.

Сергуня с отцом. От него ни на шаг. Все ему в удовольствие и в охотку. И то, как отец запускает мотор. И то, как осматривает косилку, проверяя всякие там пружины, шкивы, железные пальцы, ножи и планки. И то, как обходит свой Т-40А, пиная носком сапога в колеса, чтобы понять, насколько в них туго держится воздух.

И вот наконец Сергуня в кабине. В ней он сидел и раньше, однако отец впервые дает ему дернуть рычаг, подержаться за руль, поднять на кривой поворота тяжелый режущий аппарат, а потом опустить и направить его по нетронутым травам. Аппарат похож на огромную челюсть, которая ровно и ярко грызет травостой. Километровым хвостом тащится вслед за косилкой зеленая кошенина. Дверцы трактора приоткрыты.

— Ты какой тракторист? — неожиданно спрашивает Сергуня. — Передовой или опытный?

— Давношний, — отвечает отец, смещая на перекрестье руля вслед за левой и правую руку.

— Ты все работы умеешь делать? — продолжает Сергуня расспрос.

— Почти.

— А чего не умеешь?

— Не умею басни рассказывать. Глянь!

Сергуня смотрит туда, куда отец мимолетно кивает. Там, по ходу левого колеса, — настоящий обрыв, под которым плещется Мостовица. У трактора первый заезд, и потому он идет, забирая как можно меньше поросшего травами места. Одно колесо скрипит по кустам. А кусты вылезают почти из обрыва. Сергуня молчит. Специально выдерживает характер, хотя ему хочется крикнуть: "Папка! А ну отворачивай от реки!"

Но вот обрыв остается чуть слева. Трактор идет вдоль малинника и крапивы. Отец останавливает машину.

— Заморил я тебя в своей грохоталке!

— Это как? — не понимает Сергуня.

— Вроде малина поспела. Поди — ко поешь.

— А ты?

— Я дале поеду.

Сергуня соскакивает в траву. После душного трактора здесь, среди росных кустов, влажноватого запаха трав и кореньев, удивительно тихо, свежо и спокойно. Но покой Сергуне — зачем? Ему ягоды дай! А ягод — то спелых как раз и нету. Съел Сергуня с десятков ягод, и то кисловатых, с терпкой горчинкой, махнул на малинник рукой и подался назад, к речному обрыву, над которым так удивительно лихо проехал отец.

Дойдя до обрыва, Сергуня мотнул головой, не веря своим глазам. По всей ширине припека краснела спелая земляника.

Часть ягод раздавлена колесом, но много нетронуто — ярких, налившихся, крупных, как бы вступавших друг с другом в спор и кричавших Сергуня: "Мальчик, пожалуйста, не прой — ди! Я самая спелая ягода в мире!"

Сергуня встал сперва на коленки, после лег на живот, так, чтобы можно было брать землянику губами. Полз по ягоднику и брал. Полз и брал.

Сквозь тракторный шум слышен стрекот косилки. Пере — валился Сергуня с правого бока на левый. Видит: вслед за прокосом отца ведет прокос дядя Илюша Капустин. В кабине, притершись к плечу тракториста, сидит сухощавенький Юра. Сергуня машет ему рукой: давай, мол, сюда, здесь не жизнь, а сплошное раздолье! Но трактор проходит мимо.

Наелся Сергуня ягод. Больше не надо. Ступает ленивой походочкой. Жарко. Оводы зыкают, будто пули. Один залетел ему в рот. Залетел внезапно и точно, казалось, старался нарочно, чтобы Сергуня его проглотил.

Внизу, на реке, тарахтит деревянная лодка с мотором. В корме Матвей Водогоров, веселый мужик, всю жизнь живу — щий с присказкой и прибауткой.

— Обеда — ать! — кричит Водогоров на всю реку. — На первое — суп! На второе — коклетка! На третье — компот! Собирайтесь в кучу, куда кормилец назад не уехал!

Блеснув черепушкой мотора, лодка уходит вперед, скры — ваясь в надречных ракидах.

Небо сегодня сплошь голубое. Солнце плавает в голубом, распутив свои золотистые перья. Маковка лета!

Сергуня одним из первых явился к навесу из досок. Под навесом — тесовый, метров на двадцать в длину, со скамей — ками стол. Возле термосов — Водогоров. Низенький и сухой, с желтыми волосами, торчащими в разные стороны, как

солома, и с вечной улыбочкой на губах, он ловко орудует поварешкой. Едва сенокосник подсядет к столу, как перед ним возникает миска похлебки.

— Ешьте — ко, пейте — ко вдоволешку, — потчует балагур, — хоть нос не будет трястись на кочках.

Сергуня сидит рядом с дедком Михайлом. Ест и первое, и второе. Наконец, выпив кружку компота, слезает с высокой скамейки. Дедко Михайло кладет ему на плечо тяжелую руку.

— Приехал — то как? С ночевой?

— С ночевой мамка не разрешает.

— А завтра приедешь?

— Хотелось бы. А чего? — Сергуне смешно: дедко Михайло его забавляет. Спасаясь от овода, он специально оделся в белую одежину — нижние брюки с рубахой и женский платок, отчего похож на большую старуху с горьким и длинным, как редька, лицом.

— Завтра будет моим лошадам больша-ая работа. Подсохнет трава, будем граблить. Коли приедешь, дам тебе Долю.

— Я бы лучше на Атамане.

— На Атамане?! Не знаю. Хорош жеребец, да совсем почти не обучен.

Конюх ступает к реке. Вдруг оборачивается к Сергуне:

— Отца, что ли, ждешь?

— Жду.

— А я купать лошадей. Работных уже искупал. Теперь — запасных. Хошь со мной?

Сергуня идет вслед за дедком. Проходят возле машины с шофером Гриней, который знай себе спит, сладко похрапывая в тени. Минуют палатки. Идут подле сунутой в колья с рогами высокой жердины, где, словно свирепые сабли, сверкают

висящие косы. Идут междукустьем.

Кони пасутся на косогоре: вороной Атаман и рядом с ним черногривая Доля.

Атаман обнюхивает Сергуню, вроде, даже его узнает и с покорным терпением ждет, когда мальчик снимет со спутанных ног его обе веревочные восьмерки.

Дедко Михайло распутал Долю быстрее, держит ее в воду, дожидаясь Сергуню. Затем, угадав его тайную думку, весело разрешает:

— Прокатись! Искупай его, коли хочешь!

Раздевшись, Сергуня с помощью конюха лихо садится на вороного и принимает левой рукой поводья узды.

Мостовица играет на солнце, словно огромная рыба. Атаман, ссекая копытами всплески, входит в реку, огружаясь сперва по колени, после — по грудь и живот. Бухает бархатными губами. Пьет и пьет. Наконец утолил жажду, легонько всхрапнул и стоит, дожидаясь, чего ему дальше прикажет Сергуня.

А Сергуне охота проверить, что с ним будет, если его вороной забредет в глубину. Потянув за узду, почувствовал, как по ногам, поднимаясь все выше и выше, скользит щеко — чущая вода. И вдруг очутился Сергуня в реке по самую шею. Сообразил про себя, что конь не идет уже, а плывет, и сидеть на нем стало совсем невозможно. Тело его развернуло и потянуло чуть в сторону и на дно. Сергуня смекнул, что надо держаться. Держаться за гриву коня.

— Плавать — то хоть умеешь? — сочувственно крикнул дедко Михайло.

— Умею, — еле — еле ответил Сергуня и вспомнил, что он действительно плавать умеет, но только на мелкой воде, где есть близкое дно, в которое можно и упереться. Но сейчас это

дно неизвестно куда подевалось, и потому Сергуня вцепился в мокрую гриву коня.

Где — то внизу, под губами коня, расстился извивами повод.

Сергуня поймал повод левой рукой и потянул на себя.

Вороной, брэнча удилами, покладисто развернулся. Через минуту копыта его скрежетнули по жесткому дну.

Сергуня идет впереди, раздвигая коленями воду. Идет, запыхавшийся и смущенный. Михайло кричит:

— Чего за реку — то не сплавал?

— Я и хотел, — объясняет Сергуня, сам мало веря своим словам, — да думал, что ты побоишься, как бы я лошадь не потопил.

Вороной выбредает на берег. Вода стекает с него, осыпая траву настоящим дождем. Выбрел, тряхнул всем своим мус — кулистым телом, а когда Сергуня к нему подошел и погладил его бархатистые губы, тихонько и нежно заржал.

Сергуне не хочется уходить. Так бы здесь и остался. Да оставаться нельзя. Отец, наверно, его уже ищет.

Одевшись, Сергуня бежит по склону к зеленым палаткам. Добежал до старой березы и обернулся, увидев дедка Михай — ла, который стреноживал Долю. А чуть подалее, в некоше — ных травах, увидел Сергуня и вороного. Тот был уже спутан, прыгал, как раненый, по поляне и притыкался губами к траве. Сергуня тихонько позвал:

— Атаман!

Вороной встрепенулся, словно услышал, хотя услышать было нельзя, вскинул красивую голову и с какой — то прощальной печалью разнес вокруг раскатисто — долгое ржанье. От ржанья этого вздрогнул воздух, со старой березы сорвался чуть тронутый золотом лист, проскользнул по ветвям и, коснувшись Сергуниных губ, осторожно упал на землю.

ДОМОЙ

Опоздал Сергуня. Машина ушла. Это он понял, когда увидел отца. Тот сидел за столом в тени от навеса и напряженно курил.

— Где пропадаешь?
— отец посмотрел на Сергуню с укором. — Юрка вон твой уехал в Успенье. А ты? Как вот теперь до дому — то доберешься?

— Только водой, — сказал Матвей Водогоров. — Унесу их, — он кивнул на термосы из — под супа, котлет и компота, — сразу и поплыву. Так что может компанию мне составить.

— И то не пешком, — согласился отец. — Всяко до вечера попадете?

— Нечего делать, — заверил Матвей.

Отец втоптал окурок в дернину, встал и, пройдясь по прокосу, забрался в свой трактор. Минуту спустя он уже ехал вдоль Мостовицы, срезая косилкой еще одну полосу трав.

Водогоров взял в обе руки по термосу и не спеша подался к реке. Сергуне он ничего не сказал, но тот и сам догадался, что должен забрать третий термос.

Все три термоса поместили в нос лодки, а в середину ее швырнули по ноше подсохшей травы. Водогоров сказал:

— Коль спать пожелаешь — тут тебе и постель, как у старого Цыги.

Сергуню взял интерес:

– А кто такой Цыга?

– Жил в одно время у нас в Успенье, – начал рассказывать Водогоров, попутно снимая лодку с безводья и забираясь в нее на плаву, – эдакой пришлый бобыль. Откудова взялся, никто не знает. Сам говорит, что из Индии, жарко – де там, вот в Россию и перебрался. Врет, поди – ко. Да это не важно. Устроился он на краю деревни, при кузенке – чернотрубке. Ковал лошадей. Ладил кое – какой инструмент, инвентаришко да телеги. А ночами на волчий промысел уходил. По чужим, стало быть, хлевам да конюшенкам шастал. Жил рискованно этот Цыга. Много добрых коней через руки его прошло. Одинова все же попался. Стали судить. Судья спрашивает его:

– Ты почему лошадь украл?

Он отпирается:

– Не – ет! Это не я лошадь украл, а лошадь меня украла.

– Как так? – не понимает судья.

– Так, – объясняет Цыга, – я шел, а лошадь в поле лежала.

Я сел на нее отдохнуть, она побежала...

Сергуне занятно. Хочет узнать, что приключилось с Цыгой дальше, но в эту минуту мотор басовито затараторил и разговаривать стало трудно.

Плыли, наверное, с полчаса. Неожиданно лодка сбавила ход. След за кормой оборвался. И наступила покойная тишина.

– Не ко времени, парень, – сказал Матвей, поворачиваясь к мотору.

– Нам ещё плыть и плыть. Двадцать пять километров. Кончай валять ваньку! – Водогоров рванул заводным шнуром. Первый раз. И второй. И третий... И двадцать третий. Лодка тряслась от рывков. Но мотор не желал заводиться.

– Дела! – Водогоров поднялся, прошел к середине лодки, уселся на банку и, вставив в уключины весла, взглянул на Сергуню:

– Такие вот ягоды, братко! Не хошь, да придется их есть.

Поплывем пешком паром. Иного выхода нет.

Сергуня нисколько не огорчился. Напротив, его охватил интерес ко всему, что сегодня их ожидает. Мотор не работает — значит, они поплывут не спеша. Увидят реку с ее берегами. Встретят вечер и ночь.

Острое, с рыжей щетинкой лицо Матвея однако было угнетено. Да и не только лицо, но и потные волосы, размятавшиеся под ветром, и сжимавшие весла красные руки, и мокрый кадык над распахнутым воротом серой рубахи — все говорило о том, что гребец раздражен и подавлен и хотел бы маленьчко отдохнуть.

— Давай погребусь! — предложил Сергуня, вставая.

Матвей с удовольствием согласился. Подворошив кошенину, он угнезвился с удобством, точь — в — точь большая болотная птица, и благодарно взглянул на Сергуню.

— Ты особо не надсажайся, — дал совет, видя, что мальчик взялся грести чересчур отчаянно и ретиво, — не трать силеш — ку. Плыть далеко.

Сергуня на лодке не новичок. Родился все — таки в между — речье. И потому пренебрег советом Матвея. Вел лодку по самому стрежню, то и дело оглядываясь назад, чтоб взять поточнее ориентир и не сбиваться с прямой дороги.

И все — таки он устал, дыхание стало резче, а весла в руках поднимались так напряженно, словно на них налегала вся тяжесть реки.

— Отдохни, отдохни, — посоветовал Водогоров, — слава богу, течение есть. Пусть несет своим ходом.

Сергуня разжал ладони — весла тотчас же прижало к бортам. Посидел минут пять, обнимая взглядом черемухи и березы, и снова взялся за весла.

Теперь уже плыл спокойно. Не торопясь, вырезал лопастями весел в воде крутые воронки.

Близился вечер. Однако солнце палило. Сергуня прятался от него, нороя вести лодку вблизи деревьев, от которых в

реку осторожно спускалась зеленая тень. Пахло илом и мокрой корой проплывавших кряжиков и коряжек.

Водогоров попробовал было Сергуню сменить. Но гребец упрямо мотнул головой:

— Не — е. Я сам.

От нечего делать Матвей завел разговор о пловцах, которые плавают под водой.

— Одинова, — продолжал он, — к нам в Успенье доктор приехал. Лечиться от ревматизму. На песках, за деревней, как раз в междуречье, где Сонная тычется в Мостовицу, поставил себе палатку. Сонная малость солоновата. От нее и песок просолился. А соль — то эта целебную силу имеет. Полежишь на песочке, побулькаешься в воде — и начнет из тебя вылезать вся простудная нечисть. Доктор славно у нас подлечился. Приехал, как сморщенный гриб. Уехал, как новенький кава — лер. Мало кто с ним компанию — то водил. Один разве я. В ту пору мне было, как и тебе сейчас, лет под десять. Рыбу ловил на удочку да на донку. Доктору часто ее носил. Уж больно любил он уху. Хлебал ее прямо из котелка. Похлебает ее, поспасибует мне и скажет: "Чего бы такое тебе подарить?" И вот один раз удивил.

— Ходить под водой умеешь? — спросил.

— Не знаю, не пробовал, — говорю.

— А ты попробуй. На вот, возьми! — И подал конфетку. — С этим кристаллом, — сказал, — можешь ходить под водой до тех пор, пока он во рту не растает. В нем — спрессованный воздух. Знай соси его, как конфету. Никаких вдыханий в себя. А выдыхай только носом.

Я, конечно, сразу в реку. Постоял на карачках на дне, открыл глаза и полез в глубину. Сосу конфету себе да плыву по теченью. Метров сто, поди — ко, проплыл. Тут увидел ребят.купаются. Все как один без голов. Потому как головы над водой, и мне их снизу не видно. Ага, домекнул, выходит, я уже выплыл из Сонной, сию в Мостовице. Дернул какого — то

ребятенка за пяточку вниз. Тот вздурел. Я — и другого! И третьего дернул! Сквозь воду слышу: визг и рев! Ну ладно, думаю, выкажу вам сейчас презабавный номер. Повернулся вниз головой да обе ноги торчком над водой и поставил. Минут пять, поди — ко, держал их, как растопырки, да еще и помахивал, будто руками. Словом, страху нагнал. И тут почувствовал: задыхаюсь. Иссосал всю конфету. Кончился воздух. Вынырнул. Кое — как до берега дотянул. Только вышел, вижу: все ребятенки так и едят меня своими глазами, будто я — хозяин реки. Потом осмелели и подошли, стали меня расспрашивать, щупать, а под конец и толкать, мол, давай залезай обратно в реку, помаши нам по новой ногами. Еле — еле от них отбилась.

— А после? — Сергуня так внимательно слушал, что даже не видел, как лодка въехала носом в осоку.

— А после, — Матвей согнал Сергуню с беседки * и, оттолкнувшись веслом, уже на течении досказал, — после этого случая прозвали меня Водяным, а однажды чуть было не утопили. Поймали меня ребятки за рыбной ловлей, удочку — вон. Затащили на плот да на середине реки в стреженек и столкнули. А когда я вынырнул, нахлебавшись, то погрозили большим батоном и сказали:

— Пока не помашешь ногами — не выпустим из реки!

Кое — как умолил их, чтоб дали выйти на берег, Вышел — и к доктору за конфетой. Да только его не застал. Уехал. С той поры в редкий сон я не вижу этой конфеты...

— Мне бы такую! — сказал Сергуня с завистью и восторгом и вдруг посмотрел с подозрением на Матвея: — Ты мне по — честному это? Все так и было?

Водогоров пожал плечами:

— Что — то так, а что — то, может, иначе. Давно это было. Разве все вспомнишь...

Вечер подкрадывался к реке. Тени росли. Солнце медленно

* Беседка — банка у лодки.

спускалось. И вдруг где — то вдаль тяжело гроыхнуло. Над —
винулись тучи. Вода внезапно порозовела. На розовом плесе
реки Сергуня приметил двух лебедей. Красивые, белые, с
гордой осанкой, они проплывали под навесью ив, словно
явившиеся из сказки.

Улыбнулся Сергуня: рядом, в склонившихся ветках, темнел
уходивший в овражек проточный рукав. Уплыли лебеди в этот
рукав, затерявшись среди кубышек и листьев, чтоб никому на
реке не мешать и продолжать свою сказку на сонной протоке.

Опять загремело, да так продолжительно и надсадно, как
если бы там, на верху облаков, совершалась большая работа,
в которой участвовал кто — то громадный, катая одну за другой
тяжелые бочки, чтобы тотчас же их сбросить в реку.

Дождь собирался, да не собрался. Однако тучи не разва —
лило, и солнце спряталось в них, не успев разжечь в небесах
свой закат.

Впереди, по движению лодки, теснились деревья. Они
сходились друг с другом на середине реки. Сергуне мнилось:
стоит лодке до них доехать, как не будет ей и дороги. Но вот
она доплывала. Деревья все как одно размыкались и выбре —
дали на косогоры, чтобы остаться на них, пока не пройдет
между ними дощатая лодка.

Сергуня вздремнул. Возможно, он и заснул бы, да лодку
вдруг царапнуло, будто когтями.

— Клятое место, — сказал Водогоров и посильнее нажал на
весла, — здесь прежде была водяная мельница. Не было году,
чтоб кто — то не потонул.

— Это как? — наострился Сергуня.

— Водяной хозяин дань собирает.

— Какую дань? — Сергуня тревожно взглянул на реку с ее
потаенно — зеленым мерцанием, затопленным низом какого —
то сруба и косо торчащими гопляками.

— Страшную, братко.

— Страшную?

— Дань эту любит он брать живым человеком.

Сергуня уставился на Матвея. Может быть, шутит? Да нет. Не похоже.

— Да ты не бойсь, — добавил шепотом Водогоров, — я знаю острастку против него. Батогом по башке! Как высунет рыло — так и валяй! Вон шест — от рядом. Поизготовься! — Заворошился Сергуня, привстал на колени, забрал в руки шест и начал шарить глазами по сонному плесу. И вздрогнул, при — метив справа по ходу корягу с черной кривулиной, напоми — нающей руку, которая угрожает.

Водогоров забормотал:

— Водяной хозяин, не всплывай. С нами долгий батог. На конце батога — твоя смерть.

Лодка метнулась мимо коряги, задев ее краем весла. Коряга булькнула, закачалась, а кривулина, резко поднявшись, на — целилась прямоенько на Сергуню, вот — вот зацепит, как лапой, и, вырвав из лодки, швырнет его в темень угрюмой воды. Сергуня, моргая, ударил шестом. И, потеряв равновесие, повалился. Матвей успел схватить его за штанишки и, подняв через борт, очумевшего, с полным носом воды, посадил на середку лодки, утнездив его в ямку среди травы.

— Хорошо ты его долбанул! — похвалил Водогоров. — Да и он чуть было тебя не сграбастал. Норовил схватить свою дань...

Прочихавшись, Сергуня хмуро взглянул на Матвея:

— Ты нарочно меня пугаешь! Думаешь: струшу! Как бы не так!

Водогоров спорить не стал. Лишь задумчиво улыбнулся:

— Может быть, ты, Сережка, и прав. Суеверие это, дре — мучая ложь. Однакоче я тут совсем не при чем. Ни единого слова тебе не соврал, потому как слышал об этом от старых людей. А они обсказывать любят только по правде. Водяной хозяин, по их словам, это оборотень пловучий. Может запро — сто в кряж — топляк или коряжину превратиться. Вот было у

нас в позапрошлом лето...

Сергуня лежал в кошенине, прикрытый брезентовым дождевиком, вдыхал прохладу реки и сквозь негромкие выплески весел слушал и слушал голос Матвея. Голос нес жутковатую сказку. Однако Сергуне было не страшно. Вскоре он задремал, а потом и заснул. Снял и видел во сне водяного, который нугливо скользил под водой, потому что за ним с кислородной конфетой во рту плыл у самого дна Сергуни. "Все равно догоню! — думал он. — Чтобы ты никого не топил! Никого не стращал! И вообще пора тебе захлебнуться..."

Пробудился Сергуня от свежего ветра. Чтоб согреться, уселся за весла.

Странно было Сергуне себя ощущать под суровым пологом неба, в просторе которого плавали звезды и серебрилась луна. Отражалась луна сразу в нескольких разных местах: то она осторожно садилась на весла, то плескалась в черной воде. Сергуня не выдержал и признался:

— Луна — то! Ну прямо живая!

Водогоров не согласился:

— Луна давно умерла. Вот небо, то да! Небо живое. Ты понимаешь, Сережка, на этом небе однажды звезды выстроятся в слова. Кто прочтает их, тот разгадает самую главную тайну.

Какую тайну?

— Этого я не знаю. Да и никто не знает, кроме ночного неба...

Запали слова Матвея в душу Сергуни так глубоко, что он повторил их несколько раз про себя. Наяву повторил. А потом, когда снова улегся под дождевик, повторил и во сне. Да и сон ли то был? Даже трудно сказать. Однако Сергуня видел, как небо склонило лицо свое к сонной земле. Склонило и тихо сказало:

— Прочитайте меня, и вы узнаете все.

Но некому было взглянуть на небо. Все спали. И тайна, какую открыли Земле высокие звезды, едва забрезжил рас — свет, бесследно исчезла. И только Сергуня, лежавший в лодке, успел прочитать: "Ты тоже оттуда".

— Откуда?

Небо вздохнуло, и снова из звезд получились слова:

— Из центра Вселенной, откуда однажды явилась Земля.

Сергуня спросил:

— А попасть туда можно?

— Слишком дорога длинна. Потребуется жизни. Начнешь ее мальчиком, кончишь седым стариком. Разве ты хочешь от — правиться в путь?

— Хочу! Но сначала бы мне проститься с родными.

— Прощаться нельзя. Для родителей ты пропадешь. Тебя будут искать и нигде не найдут, потому что ты прикоснулся к тайне Вселенной. А Вселенная тайну свою раскрывает лишь тем, кто готов пожертвовать жизнью.

— Я готов! — воскликнул Сергуня, и голос его разнесся над миром, сообщая о тайне, которую он же и разгадает, и не когда — нибудь, а сегодня.

Сергуня проснулся и не поверил, что он продолжает жить не во сне. Над ним по — прежнему низко склонилось небо, однако уже без звезд и луны, зато с малиново — спелой зарей на востоке. Рядышком с ним, упираясь ногами в решетку, работал веслами Водогоров. Сергуня спросил:

— Где мы?

— А ты догадайся! — ответил Матвей.

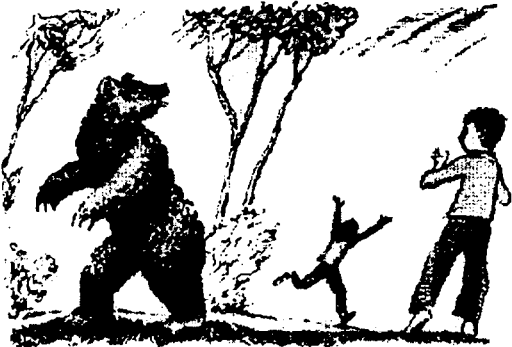
Повернулся Сергуня к зеленому берегу и увидел кусты краснотала, за ними — стог сена и две березы, а за березами, выше по склону, — седые дымки, точно там, в стороне от реки, дымили трубами пароходы. Сергуня радостно крикнул:

— Это же наше Успенье! Топятся печки! Вот мы и дома!

БЕЗ НАГАНА

В начале июля на Кокшаровском болоте поспела морошка. Сергуня надумал за нею сходить. Однако боязно одному. Договорился с Валеркой.

До Перовской поляны, где стоит сеновал, всего два километра.

Болото как раз за поляной. Туда приятели и пришли. Болото большое. На нем — сухощавенький соснячок, кусты голубики, осока, кочки. Меж кочек — желтые шарики спелой морошки. Заулыбались ребята. Бросились на коленки. Давай собирать. Ягоду, что поспелее, в рот. Ягоду, что потверже, в корзину.

День безоблачный. Солнце так и палит. От тепла дружки приморились. Стало лень наклоняться.

— И то добро! — улыбнулся Сергуня, ставя корзину к ногам.

— Почти целая дранка!

— Не взрослые мы, чтоб по полной — то собирать! — согласился Валерка.

Растянулись ребята в траве. Пахнет хвощами и плаунами. Одно неудобно — лезет с тонким нытьем и в глаза, и в уши,

и в рот востроносое комарье. Сергуня думает о наганае: "Продавались бы в магазине, на каждого кровопивца пульки б не пожалел..."

Первым поднялся Валерка. Снял с головы подсыревшую камилавку и неожиданно разглядел: на него из — под нависи голубики шел, пошатываясь, щенок. Удивился Валерка и, подбежав к добродушному существу, стал комякать его и гладить. И Сергуня — к щенку.

— У—ю—ю! Собачка! Откуда такая взялась? Шарик! Бо — бик! Айда!

Сергуня поднял собачку.

— Потикаем домой. Ты, Валерка, тащи корзины!

Идут ребята болотом, выхватывают друг у друга щенка, уливаются голосами:

— Какой полнорожий!

— Пахнет — го чем? Молочком!

— А хвостик — от? Хе — хе — хе! Вырасти не успел!

Сзади — треск, хлюпанье по воде. Обернулись ребята. Медведь! Зверь торопился, грузно проваливаясь меж кочек. У дружков затряслась подбородочки и коленки. Сергуня пер — вый пришел в себя.

— Спасайсе! — гаркнул во все голосишко и махнул ладонью на сеновал, проступавший сквѳзь зелень деревьев.

Заработал Валерка ногами. Быстро — быстро. Но показа — лось, что очень тихо. И припустил в полный дух! Бежал и видел себя в спасительном сеновале. Скорей бы! Скорей! Валерке даром царапины от сучков. Даром ему и щенок, с визгом скользнувший между коленок. И Сергуня, кажется, даром.

Сергуня отстал. Рубашка вылезла из штанов. Он рассержен и удивлен. Было ему непонятно: почему же Валерка бросил

щенка, а щенок помчался навстречу медведю? Сергуня по – звал:

– Тобик! Бобик! – И, бросив корзины с морошкой, рванулся в погоню за глупым щенком. Поймал его за мягкие лапы, вскинул на руки – и назад. Меж стволов. Напрямую по голубике.

Щенок яростно вырывался. Сергуня шлепнул его по губам.

– Сиди, буде, смирно! Не то! – И тут Сергуня почувствовал голым от стрижки под бокс затылком немигающий близкий взор. От этого взора сердце у мальчика сжалось, словно его протыкали иглой. Сергуня не знал, что несет на руках мед – вежонка, стараясь его спасти от того, от кого медвежат не спасают. С сеновала летел громкий голос:

– Собачку – то брось! А то разорвет обоих!

Но Сергуня забыл о том, что можно бросить собачку и этим самым спасти себя. Он бежал по сухому мелкому сосняку, по хрустевшей калужнице, по осоке и жадно – жадно мечтал: “Сейчас бы наган... Ну бы я... Живо распорядился...”

До поляны, перед которой желтел развороченный пенёк, оставалось шагов пятнадцать. Пробежал их Сергуня. А даль – ше? Дальше было уже бесполезно: и на дерево залезать, и кричать кого – то на помощь. Сергуня сделал неловкий пры – жок, нога его подвернулась, и он, падая на сучки, отшвырнул щенка подальше от зверя.

Медведь встал на задние лапы – лохматый, яростный и громадный. Из коричневой шерсти глядели маленькие глаза. Сергуня крикнул всей грудью:

– Ма – а! – И взмахнул, защищаясь, руками. Зверь, рва – нувшийся было к нему, навис над кореньями пня, замотал и задержал мордой. “Песочком попал!” – догадался Сергуня и,

проворно вскочив, бросился в сторону сеновала.

Валерку, сидевшего на порожке, он застал без любимой его камилавки, с палкой в руке и глазами, в которых блестели слезы.

— Как это? Как? — икая, спрашивал он.

— Нечаянно, — улыбнулся Сергуня. — Хотел стрельнуть из нагана, да вместо него попался мне в руки песок. Вишь, как выстрелил метко. В оба глядельца! Небось, чешется до сих пор.

Медведица с медвежонком уходили от пня, пропадая в зеленых прогалах. Секунду виднелись, две и наконец совсем потерялись.

Лицо у Валерки обсохло от слез.

— Ну да мы! Еще бы немного — и дома бы не бывать!

— Ты — то был бы, — ухмыльнулся Сергуня.

— Ты худо, видать, меня знаешь! — вскрикнул Валерка. — Задень бы он только тебя! Гляди! Я и палку хорошую выбрал. Так бы огрел...

Домой ребята пошли без корзин. Сергуня сказал:

— О корзине — то не тужи. Завтра, буде, вернемся.

Валерка даже остановился.

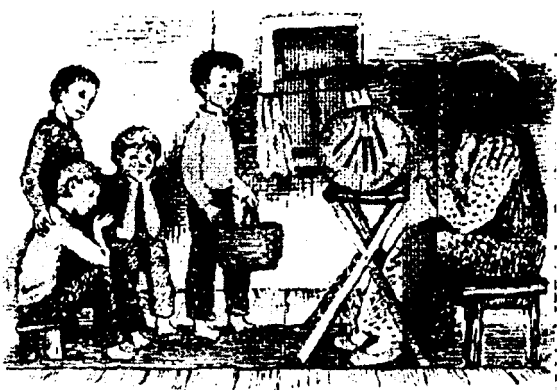
— Завтра? Завтра не знаю. Завтра я на рыбалку пойду.

— Ну вот! — Доволен Сергуня. — Вместе и сходим! Сперва по рыбу, потом по корзины. Неуж нашим ягодам пропадать?

В придорожных кустах ветерок шелестел ивняковой листвой. Пахло нагретой травой и пылью. Ступали мальчишки по дороге. У одного в голове мысль — тоска: что бы такое сказать, чтобы с Сергуней не только завтра, а впредь никогда не ходить вместе в лес? В голове у второго — мысль о нагане: "Во бы его достать! Ни от какой зверюги бы не удрал..."

ГОСТИНЕЦ

Поспели рыжики! Эта весть встре-
пенула в Успенье всех,
кто свободен от дел в
колхозе и может сбе-
гать с корзиной в мо-
лоденький ельник, что
за поскотиной, в мо-
ховине, поросшей
густой побусевшей
травой. Кому бы, ка-
залось, как не ребя-

там, успеть среди первых в этот лесок. Но отвлекали ребят то телевизор, то затяжная игра в футбол, то рыбная ловля на Мостовице, где стали хватать ельцы и лещи. Наконец, когда рыжиков все наносились, направились в лес и они.

Сергуня пошел было в лес с Валеркой. Но вскоре к ним прилепилось еще с полдесятка ребят. С гадежом, кувыр-каньем в траве, швыряньем корзинок и кепок — так всю дорогу и шли.

Рыжики трудно искать, особенно если трава по лодыжку и солнце усердствует так, что хочется спрятаться в тень. Загляни под каждое деревце, каждый кустик, пошаркай ногой по траве, наклонись, походи по поляне, ощупай ладонями каждую пядь поседевшей земли — и только тогда обнаружишь иссеражелтый, невыразительный, тусклый гриб. Но только сорвешь и подымеешь его на ладони, как весь он осветится

солнечно — рыжим огнем. Глаза поневоле зажгутся улыбкой.

Сергуня везет. На одной лишь поляне нашел почти тридцать ядреных грибков. Как — то там собирают ребята? Он распря — мился и огорчился тому, что увидел. Один из ребят, закрыв — шись корзиной, лежал на поляне и, кажется, спал. Двое других, представляя себя бойцами, дрались друг с другом на батогах. А Валерка ходил между елочек с мрачным лицом. Сергуня окликнул:

— Нашел хоть чего?

Валерка сплюнул:

— Где там! Их нету. Коли и были — все унесли. Пойду, наверно, домой. Надоело. Э — ге! — крикнул ребятам. — Кто со мной до деревни?

Дважды звать ребят не пришлось. Стреканули вслед за Валеркой, будто зайчики по меже.

Сергуня вздохнул. Перешел на другую поляну. Потом — еще на одну. Побродил у поскотины, возле разломанных прясел *. Отыскал лишь пару грибков. И тоже стало надоедать. Повернулся лицом к деревне, сделал вялый шагжок. И встал. Это легче всего, поддавшись жаре и лени, взять да сразу домой и пойти. Он принудил себя спуститься к низинке, где был непролазный ивняк.

И, конечно, не пожалел. Почти в каждой куртинке кустов попадались грибы. Они вылезали из пышного мха на оран — жевых толстых ножках и были крупнее, чем луговые. Одно неудобно — трудно их взять, настолько запутанно сложно торчали живые и мертвые ветки склоненных, прямых и упавших кустов.

В конце концов он хорошо приловчился. Оставлял корзину в сторонке, а сам проникал между прутьев ползком. Он набрал уже больше чем полкорзины и, конечно, добрал бы ее до краев, да почувствовал ветер.

* П р я с л а — звенья изгороди

"Надо к дому", — подумал Сергуня. Выбираясь к поскотине, по наплывам двухслойных с рыжинок туч догадался: будет гроза. Вскоре он вышел к дороге. Однако пошел рядом с нею, тропой.

Тропа вдоль дороги бежала с веселою озорцей. Сергуня подпрыгнул и припустил. Путнула его малиново — красная трещина в небе, вслед за которой бабахнул и гром.

Сергуня бежал, слегка запыхавшись. Вскоре березник остался шуметь за спиной. Впереди было сжатое поле. Брызнули первые капли, расплывшись на затылке. Спрятаться от дождя можно было в копешках соломы. Однако солому срывало порывами ветра и разносило по жниве. Сергуня решил бежать до конца.

В деревню он все же успел до большого дождя. Едва затворил полевой отводок*, как с небес вместе с громом и молнией рухнул ливень. Сергуня прыжками пустился к крайнему дому. Вскочил на крыльцо, а там — ребятня.

— А вы — то откуда взялись? — спросил он, тараща глаза.

— Из лесу, как и ты! — ответил ему Валерка.

— Я думал, что вы давно уже дома!

— Мы задержались в копешках. Играли, да гром вон спугнул. А ты это где? — ребята глядели, моргая, в корзину, блестящую шляпками мокрых грибов. — Ведь нету их. А... Почему — то набрал... Не лесной ли тебе помогал?

— Лесной! — улыбнулся Сергуня и увидел на пороге бабушку Маню.

— Богатенько наломал! — сказала она.

Дети у бабушки Мани кто где, расселились по дальним краям. Лишь в ягодный месяц кто — либо из них иногда возьмет и нагрянет. Наносит ягод, наварит варенья — и снова бабушка Маня одна.

В Успенье старую знают как няньку. Вся малышня через

* Отводок — воротца в изгороди.

руки ее прошла. С Сергуней тоже когда – то она водилась. И он запомнил ее хорошо. Запомнил прежде всего как певунью.

Дождь льет и льет. Заплески струй, что слетают с крыльца, достают ребят, и они покидают сырые ступеньки, лезут вверх, прижимаясь, как воробьи, к коренастой старушке.

– Пойдем, коли, в избу! – Она исчезает в потемках сеней и медленно движется к смутному клинышку света, который лежит на полу перед кухонной дверью. Ребята следом за ней перескакивают порог.

От серого ливня и липнущих к стеклам листьев черемух в комнатах дома мглисто и глухо. Старушка садится на стул перед круглым и белым, будто бочонок, станком и забирает в ладони коклюшки. Плетет и тихо бормочет.

Сергуня подмигивает ребятам: давай, мол, поближе, туда, к бабе Мане, послушаем: что она там?

Приблизились и уселись: кто на приступок печи, кто прямо на пол. Слышат ребята: старушка поет. А что поет – не услышишь.

– Баба Маня, попуще! – просит Сергуня.
Старушка кивает.

– Дедко Корепан, куда ты поехал?
В лес по капусту, в низ по невесту.
Приехал к избушке – соломенке,
Курочка в сапожках избушку метет,
Петух на порожке обедню поет,
Медведь на печи сухари толкёт,
Кошка в лукошке пищит – верещит:
Кто – то у кошки хвост перешиб.
Был я у тещи хмиленькой,
Съел я лепешку с симечком,
Погонила меня теща виничком,
По рукам, по ногам сковородничком.

Я — в окно, в окне — тесно.
 Я — в трубу, в трубе — черно.
 Я — на сарай, на сарае — коза.
 Я — под сарай, под сараем — костер.
 Костер — востер коноплей трещит.
 Кикирика — петушок сто рублей тащит.
 Кикирика — петушок на воротцах сидел,
 Золотой гребешок трое лаптей сплел.
 Коточиг потерял, копался, копался —
 Денежку нашел, молодушку завел.
 Молодушка добра, рукавицы дала.
 Где рукавицы? В клетке, на полнице.
 Полница — то упала, теленка замяла.

Спела бабушка Маня, сняла с головы платок, открыв черные с проседью волосы, из которых торчала гребенка.

— Еще, что ль, хотите? — спросила ребят.

— Хотим!

— Про чего бы вот только? Может, про курицу со пером?

— Про курицу со пером!

Снова в руках старой Мани взыграли коклюшки. Снова нитки легли, примыкая к узору тесьмы.

Пили — тили молотили
 На чужом гумне.
 Бежит курица по улице,
 Из курицы перо.
 Да покатилося перо
 Да под Иваново село.
 Иван с шестом,
 Жена с пестом,
 Малы деточки
 Да с коромыслицем.

Занятно ребятам. Какие забавные песни! Там, за окнами, хруст ломаемых веток, потоки дождя, громыханье. А им хоть бы что, вроде и нет для них непогоды, словно ее отвела от ребят стародавняя песенка бабушки Мани.

Старушка сделала передышку. Вышла из — за станка. На — щепала лучины. Поставила самовар. Сергуня спросил:

— Ты, баба Маня, откуда столь песен — то знаешь?

Повернулась певунья:

— Это не песни, а пригоношки. Ими моя голова набита битком. Переняла от родителей. Семья — го была у нас мно — голюдной. Как робёнок захныкает, так пригоношкой и при — ласкаешь.

Подумав немного, старушка жалостно улынулась:

— Я ведь и долгих песенок много знаю. В девушках было дело, по свозам ездили, брали с собой куделю. Прядем за пряслицей и поем. Метелицу да кадрили ходили, шестерку плясали. Похороводим да вновь веретенце в ладонь. Или пойдем с девицами вечером по воду, оставим ведра, а сами с берегу и затынем. Бегут наши песни, раздаются по всей заре. Я была стягальщицей. Даже сердце горит, вот как порой распоешься. Уж и не помню такого денька, чтоб без песни. На работу пойдешь — ее! С работы — ее! Мужичок у меня был слабоватый. Так все я сама. И поле пахала, и молотила, и веяла, и в овин сдила. Бабы, которы тоже в колхозе, все ко мне поровили в подпарщицы, веселее — де, Маня завянуть не даст...

Замолчала старушка, заметив в окне, как из — под яростной тужи вдруг прорвалась золотая река. Затопила река всю деревню. Лопнули в лужах последние пузыри. Ветки черемух смиренно повисли. Трава загорелась вершинками перьев. Ре — бятишки все как один встрепенулись, вскочили и побежали к родившимся ручейкам, что растекались по всем канавам, дорогам и тропам.

Бабушка Маня! — Сергуня вернулся с крыльца, чуть смущенный. — Это тебе! — Он подскочил к столу и, повернув корзину, высыпал рыжики на клеенку.

Старушка моргнула лазоревыми глазами:

— Что ты, родимой! Не надо! Домой — то али без обабок придешь?

Сергуня махнул опустевшей корзиной.

Для дома потом. Я ведь на ноги — то проворный! — И выбежал с легкой припляской, счастливый от мысли, что догадался оставить у бабушки Мани лесной гостинец.

ГЕРОЙ

Первого сентября проснулся Сергуня рано. И поспешил на крыльцо.

Двор и улица были завалены белым туманом. Пахло листьями свеклы и взрытой землей огорода. Среди гряд возилось неясное существо.

"Мать, — догадался Сергуня, — выкапывает картошку. А отец, видать, уже на работе, пашет на тракторе зябь".

Сергуня продрог. Возвратился домой, облачился в ветхонький ватник и вновь — на крыльцо.

Где-то скрипнули петли ворот. Проурчал отдаленный мотор. Потянуло ветром с полей, притащившим с собой сыроватый дух хлебной соломы. Вскоре возшло из тумана неясное солнце.

Послышались всплески. Сергуня здорово удивился, увидев гусей. Они пролетали, едва не касаясь кирпичной трубы. Почему так низко? Наверно, туман помешал взять высокий и правильный взлет. На зимовку спешат. Путь далек и опасен. Хорошо, кабы все долетели. Сергуня сорвал с головы кепчонку и отчаянно замахал:

— До увиданьица! Возвращайтесь!

На голос его прибежала из дома Юлька.

— Ты это с кем?

— Гуси сейчас пролетели!

— Подумаешь, гуси!

Сергуня воскликнул:

— Был среди них и тот самый! Наш! Который у нас зимовал!

— А как ты узнал?

Сергуня никак не узнал, однако настолько ему захотелось, чтоб был среди стаи его питомец, что он убежденно сказал:

— Он помахал мне крылами!

— И прокричал человеческим голосом, — быстро добавила Юлька: "Го! Го! Я узнал тебя, Сержик! Как ты живешь?"

Повернулся Сергуня к Юльке:

— Ты меня не дразни!

— А то что? — засмеялась сестра.

— А то! Угощу орешкой!

— Какой орешкой?

— Вчерашней! Вот! — Сергуня решительно наклонился, взял что-то с полу в щепотку. — Ее овца еще с вечера испекла. На — ко попробуй!

Визг, крик, мелькание рук. На шум прибежала мать, на — шлепав тотчас же и сына, и дочь, а после заставив их

примириться.

В школу Сергуня пошел с Валеркой. Тот специально за ним заглянул. И вот в темно — синей форме, с ранцами за спиной, они ступают середкой дороги и на ходу, засунув в рот пальцы, дуют на них, чтоб узнать, у которого свистнется громче.

— Эй, соловьи! — остановил их кто — то из взрослых. — Мало вам лета было! Не насвистались?

Школа метрах в двухстах за деревней. Рядом река Мосто — вица. На берегу березы и тополя. В обширном дворе, взметая листву, тут и там носятся с криками ребятишки. Сергуня с Валеркой мигом включаются в беготню. И хотя до звонка остается каких — нибудь десять минут, успевают кого — то осыпать листвой, кому — то поставить подножку, схватить чью — то кепку, пытаясь закинуть ее на березу, и даже слетать на реку.

Уроков сегодня мало. Оценок не ставят. Анна Васильевна благодушна, всем все прощает и разговаривает с улыбкой. точно она не в школе, а дома, и перед нею сидят послушные дети, кого она спрашивает и хвалит. На последнем уроке ребятам были заданы самые занятные вопросы: как провели нынче лето, что запомнилось в нем и кто чего делал?

Первым был спрошен Юра Капустин, лучший в прошлом году ученик. И Юра ответил, как от него ожидали — складно, грамотно и толково:

— Лето я провел интересно. Купался. Ходил за грибами. Поливал в огороде капусту и огурцы. Несколько раз ездил с папой на сенокос. Вечерами читал художественную литера — туру и смотрел телевизор. Часто бегал в кино. Хорошо было летом!

После Юры поднялся Вася Манылов, веселоглазый, с тон — ким носиком паренек, немного похожий на Буратино.

— Лето я провел интересно, — начал Вася. — Купался. Ходил за грибами...

Анна Васильевна попросила:

— Ты бы, Вася, не так, как Юра. Ты бы по—своему!

Вася кивнул и продолжил:

— Поливал в огороде морковь. Ездил с папой на мотоцикле. Там, куда я приехал, был сенокос. На сенокосе на этом я вместе с другими ворочал колхозное сено...

— Хватит, Вася, — остановила учительница. — Теперь Коля Зайцев.

Коля — сын председателя сельсовета. Мальчик он хотя и способный, но страшно ленивый. Вставая, он ласково улыбнулся:

— Лето я провел интересно. Ходил за грибами. Поливал в огороде всякую зелень. — Дальше Коля хотел сказать, как ездил с папой на сенокос. Однако вспомнил, что не был нынче на сенокосе. И потому это место в рассказе он пропустил. — Вечерами читал художественную литературу...

Анна Васильевна перебила:

— Что именно?

Коля поморщился, вспоминая. Но вспомнить не мог и честно признался:

— Вечерами я бегал по улице и смотрел цветной телевизор.

Учительница вздохнула и посадила Колю на место.

— Неужели так трудно, — посмотрела она на ребят, — говорить своими словами. Зачем повторять то, что сказал уже Юра Капустин. Ну—ко, Валерик Гладковский? Ты у нас самый смысленый. Думаю, в грязь лицом не ударишь.

Валерка вскочил. Ему приятно польстило, что Анна Васильевна обратилась к нему, как к большому. Решив поразить всех занятым началом, он тряхнул головой, улыбнулся и неожиданно обмер. С губ едва не слетело: "Лето я провел интересно..." Подавив в себе это начало, он посмотрел в потолок, старательно хмыкнул и, ничего путевого не придумав, ляпнул первое, что подвернулось на ум:

— Летом я никуда из деревни не уезжал, потому что некогда было.

— Начало свежее. Хорошо, — поддержала Анна Васильевна. — Дальше?

— Играл в футбол.

— Так!

— Раз ходил в лес. Принес домой корзину черники. Мать за это мне кепку купила. — Дальше Валерка, ну хоть ты тресни, не знал, о чем бы таком ему лучше сказать. На всякий случай продолжил про кепку: — Черного цвета, с пряжкой, пуговкой и подкладкой.

— Черника, кепка с подкладкой. Все это, конечно, полезно и нужно, — сказала учительница в раздумье. — А вот для общества? Для колхоза ты что — нибудь сделал за это лето?

— Как же. Много, — уныло ответил Валерка.

— А если конкретно?

Валерка смутился и, опуская глаза, увидел сидевшего рядом Сергуню. “Ему хорошо, — позавидовал с грустью. — Лошадей вон колхозных купал, на тракторе ездил, телят даже пас. Телят?!” В голове у Валерки сработала мысль: к этим телятам он тоже имел отношение, как и Сергуня. И потому уверенно произнес:

— Например, помогал Сереге Попову...

— Сереже Попову, — поправила Анна Васильевна.

— Помогал Сереже Попову пасти колхозное стадо! — Дальше его понесло на волне хвастливого вдохновения: — Однажды спас его от беды! Кабы не я, скотина, котору он проворонил, весь бы хлеб потравила.

Сергуня моргнул, изумляясь. Ему и стыдно, и непонятно. Ну зачем это надо Валерке? Неужели не понимает, что говорить об этом нехорошо. Не все же надо выкладывать вслух, что с тобой в твоей жизни происходило.

Но Валерка об этом не думал. Ему было весело до нахаль —

ства, и он с удовольствием продолжал:

— С батогом один на один со стадом! Еле выстоял! Как на войне! Могли бы запросто забодать, а то и втоптать копытами в землю! А потом один бык тут попался... — На этом месте Валерка запнулся, сообразив, что не надо бы про быка. Уж если себя подавать, так не в худшем, а в лучшем виде. Однако он сразу нашелся, представив себя тем, кем не был, но мог бы и быть, кабы тот непослушный бычок имел размеры свои побольше. — Из — за него чуть было голову не свернул!

— Ты чего? — подтолкнул его в бок Сергуня.

Но Валерка был на любимом коньке и ссадить его в эту минуту оттуда было почти невозможно. Он даже позволил себе посмотреть на Сергуню с пренебрежением:

— Неужели забыл? Сам мне дал на этом быке прокатиться! А бык зверина — звериной! Как в испанской корриде! Я и то минут пять, поди, продержался. А после он сбросил меня...

Валерка замешкался на секунду, и этим воспользовался Сергуня, добавив с усмешкой:

— Сбросил, а сам от тяжести зашатался.

Валерка вздрогнул и посмотрел на ребят, призывая их оградить его от дальнейших насмешек.

И класс, успевший увидеть в нем бравого смельчака, едва не с угрозой потребовал от Сергуни:

— Почему зашатался?

— Потому что он был не быком, а теленком, — ответил Сергуня.

Валерка яростно покраснел:

— С какой это стати?

— С такой, — объяснил спокойно Сергуня, — что у тебя глаза заболели от страха! Вот ты теленка раз в десять и увеличил!

Класс зашумел, засмеялся, загомонил. Анна Васильевна с любопытством уставилась на Сергуню, намереваясь спросить

и его, как он провел нынче лето. Но в эту минуту раздался звонок.

Домой возвращался Сергуня один. Валерка обиделся на него. А кто виноват?

Сергуня думал, что дружбе его с Валеркой на этом наступит конец. Однако спустя полчаса после того, как он пообедал, раскрыл портфель и начал листать страницы выданных Анной Васильевной книг, просматривая картинки, дверь отворилась, и на пороге возник Валерка. Сергуня засунул учебники в ранец.

— Чего?

— Вот здесь, — Валерка погладил себя по карману старого, в клеточку пиджака, — потухший вулкан. Хочешь его оживить?—Сергуня ему не поверил и отмахнулся:

— Разыграть меня хочешь?

Валерка таинственно огляделся:

— Дома кто есть?

— Нет, но сейчас придет Юлька.

Валерка сказал:

— Свидетели нам не нужны, — лицо его было при этом настолько загадочным и серьезным, что Сергуню невольно взял интерес:

— Вулкан — то какой? Игрушечный, что ли?

— Был бы игрушечный, можно б и дома его оживить.

Сергуня решительно предложил:

— Дома нельзя — дак давай во дворе!

— Не, — Валерка не согласился. — Там тоже могут увидеть. А наше дело должно оставаться в секрете. Айда за деревню!

Они тотчас же и поспешили. Прошли по улице возле колхозной конторы. Оставили сзади и сельсовет. Завернули за угол Дома культуры. И тут Валерка остановился, ткнув указательным пальцем в тень тополей, где среди ошкуренных бревен незаметно таился дощатый сарай:

— Маханули туда!

Зайдя в забитый бумажно — мебельным хламом сарай, Валерка вытащил две толстые, как еловые шишки, сигары, подал одну Сергуне, вторую воткнул себе в рот и пониженным голосом произнес:

— О, великий вулкан! Ниспошли счастливому отроку дикое пламя!

Затем он достал коробок со спичками, прикурил, дал прикурить и Сергуне. И тут по его лицу скользнула улыбка. Сергуня не понял, что она означает. "Пооди — ко, хочет, чтоб я зачихал. Знает, что я не курю, вот и решил надо мной посмеяться..." Он потянул в себя пакостно пахнущий дым, подержал между щек, не глотая, и выпустил весь из рта.

— Молодец! — похвалил, подмигивая, Валерка. — А еще — то раз можешь? Или слабо?

Сергуня снова всосал в себя дым. И сразу пугливо отпрянул, увидев взорвавшийся снопик огня, который выскочил из сигары. Он рассердился, бросил сигару, сжал кулаки, закричал:

— Головками спичек нашинковал! Во бес! Да я! — Он уже кинулся на Валерку, да тут из угла, куда улетела сигара, ударило в нос керосином и полыхнуло огнем.

"С чего бы это?" — подумали оба одновременно, тараща глаза на огонь, который вдруг побежал, подымаясь по вороху старых газет.

Валерка топнул ногой по горевшему хламу. Огонь еще пуще выпалхнул вверх, осветив баррикаду из сломанных стульев, плакатов и транспарантов.

— Бежим! — закричал он, сдаваясь назад. — Айда, пока никто не увидел!

Сергуня сорвал с себя пиджачишко, начал сбивать им огонь.

— Пустое дело! Теперь не утужишь! За мной! — Валерка выскочил из сарая. Пригнувшись, метнулся к забору у Дома

культуры, сделал несколько длинных прыжков и, обшарив глазами улицу, вышел за угол, уверенный в том, что пыхтит вслед за ним и Сергуня.

— Вроде никто не заметил, — сказал, оборачиваясь назад. И замигал, не увидев Сергуни рядом. Значит, он там, в сарае. Тушит огонь. В голове сквозь испуг пробилась здравая мысль: надо кому — нибудь сообщить!

Он бросился было к Дому культуры. Но увидел висевший замок. "В сельсовет!" — приказал самому себе.

Заскочив на второй этаж деревянного сельсовета, удивился, что нет ни единой души. Не долго думая, снял телефонную трубку. Услышав голос тетки Натальи, начальницы почты, энергично и коротко прокричал:

— Горит возле клуба! Пожарную! Срочно!

Из сельсовета Валерка рысцою направился к месту пожара. Бежал, проклиная себя за жестокую шутку. "Кабы знал, что так выйдет, ни за что бы не стибрил у папки эти противные две сигары".

Завернув за угол забора, он удивленно смутился. Сарай стоял как ни в чем не бывало. И только в траве, перед дверью, за свалкой бревен валялись обугленный стул и несколько тлевших газетных подшивок.

Сергуня ходил по сараю, весь перепачканный, потный, уставший. В руке он держал обгорелый пиджак. Поглядев на летавшие под потолком, будто черные птицы, паленые клочья бумаг, Валерка сконфуженно улыбнулся:

— Я ведь, это, пожарную вызвал!

Повернулся Сергуня, тряхнул лохмотьями пиджака и, по — думав пару секунд, с досадой швырнул его за порог и только после этого поднял глаза на Валерку:

— Пожарную? А на кой?

— Думал, что не потушим, — признался Валерка.

Сергуня смотрел на приятеля с неприязнью. Смотрел из —

под черных с рыжинкою, чуть подгоревших бровей, не зная, какими словами лучше Валерке ответить.

И тут послышался вой сирены. Сергуня шагнул за порог.

— Бежим? — кивнул Валерке на изгородь за сараем.

— Надо кому-то остаться, — ответил Валерка.

— Зачем? — испугался Сергуня.

— Все уладить и объяснить.

— Не, не, — Сергуня попятился, прыгнул за изгородь, пробежал пустырем до ближайших кустов. Оттуда стал наблюдать, как встала, подъехав вплотную к сараю красная автомашина, как к ней подбежал, махая руками, что-то сумбурно кричавший Валерка. В эту минуту он испытал к нему благодарность, как к человеку, способному взять всю вину на себя. "Друг так друг! — подумал о нем с гордостью и восторгом. — Был бы там сейчас я. Ну чего бы я им? Чего бы сказал? Молчал бы, как рыба, да и только. А Валерка найдет..."

Приближаясь к дому, Сергуня тревожно прикидывал про себя: "Как вот родителям объясню? Весь ну-ко в копоти и грязи, да еще без пиджака. Не ляпну же я, что тушил в сарае пожар..."

Так ничего бы, пожалуй, Сергуня и не придумал, да на везенье свое встретился около дома с дедком Михайлом. Тот, увидев его, заулыбался:

— Не с костра ли, Сережка? Ишь, какой черный и розовый, ровно копченый карась!

Не желая того, дед Михайло подал Сергуне идею, как лучше ему оправдаться перед родней.

"На Мостовицу ходил. Рыбу ловил. Да заснул у костра, а когда пробудился, все на мне подгорело, как на пожаре".

Таковыми словами он встретил расспросы Юльки, матери и отца. И хотя ничего ему не было, чувствовал он себя гадко, точно сделал что-то запретное, вредное, очень плохое. Да

еще боязливо было от мысли: как — то там объяснится с пожарниками Валерка? Но узнать об этом Сергуня мог только утром.

...И вот он в классе. Сидит бок о бок с насупившимся Валеркой.

— Как там? Рассказывай! Ну? — торопил, косясь на Валерку, лицо которого ничего, кроме скуки, не выражало.

В эту минуту раздался звонок, и вошедшая в класс какой — то особенно бодрой походкой Анна Васильевна объявила:

— Всем! Всем внимание! Слушайте, что сообщит сейчас радио нашей школы!

Тотчас же послышался голос директора:

— За отвагу, проявленную во время тушения пожара, правление колхоза, а вместе с ним и весь учительский кол — лектив от всей души благодарит ученика третьего класса Валерия Гладковского...

Сергуня сидел и испуганно думал о том, что сейчас объявят и про него. Однако директор о нем ничего не сказал. И он с интересом взглянул на Валерку, примечая в чуть покраснев — шем его лице минутную скованность человека, который га — дает: то ли его принародно разоблачат, то ли о нем никто ничего не узнает.

На перемене все третьеклассники бросились пожимать герою дня руку. Последним поздравил Валерку Сергуня. Поздравил и попросил:

— Ты только, смотри, никому не рассказывай, как все было. А то я дома сказал, что спал у костра и нечаянно подпалился.

— Не скажу, не скажу, — заверил Валерка и облегченно вздохнул, радуясь, что Сергуня не только не сердится на него, но даже не претендует на право быть настоящим героем, какое он по достоинству заслужил.

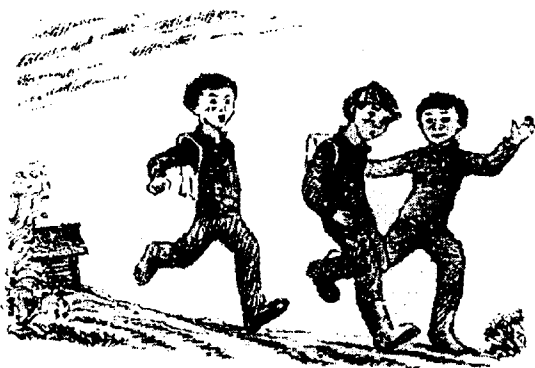
ВОРОБЬИНОЕ УТРО

Оголились кусты и деревья. По — блекла трава. Улетели скворцы. И грачи уже покидают печальную землю.

Раздается буханье ног по воде, а затем длинный свист и веселый треск палочек по забору. Со всех переулков и улиц торопятся в школу ребята. Среди них и Сергуня. Он в капроновой куртке, кепке и новых резиновых сапогах, за спиной поношенный ранец. Вид Успенья с дымами из труб, антеннами на шестах, стожками сена среди огородов ему по — домашнему близок и дорог. Здесь его родина. Здесь у него родительский дом. Здесь школа, друзья, две реки и послушная лодка. Здесь Сергуне раскованно и вольготно, как деревенскому воробью, самому верному другу дворов, огородов и переулков.

Мелкий дождичек. Ветер в ветках. Всюду грусть, запустение, сырость и лужи.

И вдруг чириканье, трепыхание мокрых крылышек, бойкая строчка полета от крыши колодца до крыши избы. Воробей!

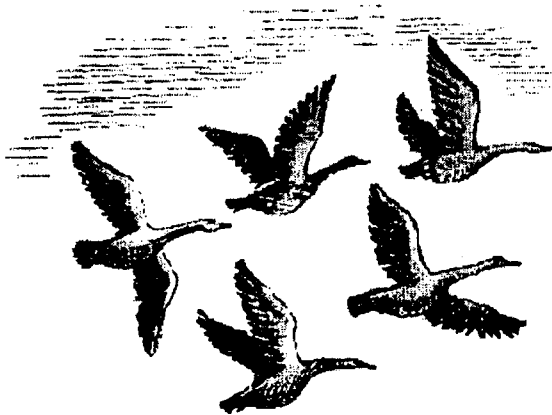

А вон и второй! И третий! А там, над воротами почты, их целая стая! Им, видать, нипочем этот дождик и этот ветер. Летают, скачут, ныряют под застрехи крыш, купаются в лужах! Там и сям они. Всюду! Кажется, все утро запружено воробьями. Глядят на маленьких птичек мокрые окна. Глядят и спраши — вают себя: почему же им так весело и беспечно? Откуда в них эта живучесть? Неужели они не боятся сырого ненастья и приближающейся зимы?

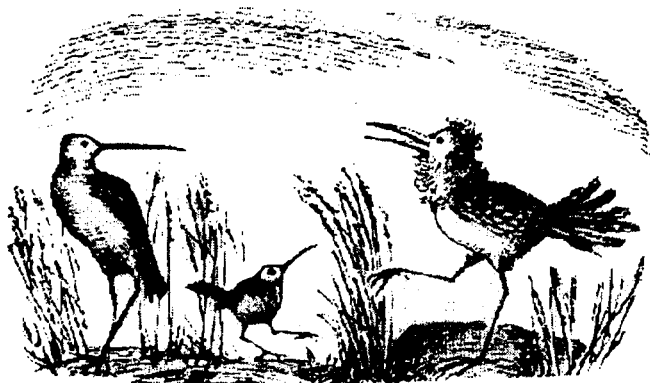
Дождь прибавил, выбив в канавах и лужах белые шляпки вскипевшей воды. Ребятишки пустились в школу бегом. И Сергуня — бегом. Кто — то кому — то кричит. Кто — то задир — чиво отвечает. Кто — то с отчаянным визгом падает в лужу. Кто — то смеется.

Издаലെка сорванцы похожи на энергичных, лохматеньких, всеми любимых непритязательных воробьев, для кого вся жизнь есть сплошное веселое утро. Утро солнца, которого нет, но которое вот — вот выглянет сквозь непогоду.

*Чудеса в
рыбках*

СУДЕЙКО

Заспорили два кулика: бекас — барашек и чернозобик. — Это моя кочка! — кричит малыш — чернозобик, удобно устроюсь среди осоки.

— Нет, моя! — не уступает ему барашек. — Я прилетел сюда раньше!

— Нет, я!

Чернозобику трудно спорить: он меньше бекаса почти в два раза. Потому предлагает, кивнув клювом в сторону моховин — ки.

— Вон турухтан! Давай позовем его. Пусть разберет, кто из нас прав. Эй, судейко! Ну — ко сюда! Рассуди нас: чья это кочка?

— Га! Га! — откликнулся турухтан, поднимая красивую шею с роскошным зеленым воротником. Взбил болотную воду, прыгнул к спорившим птицам и с ходу спросил:

— Кочка красивая, толстая и большая! С этим согласны?

— Согласны, — ответили спорщики. И турухтан, не мешкая,

заклучил:

- Значит, на ней и сидеть красивому толстому кулику!
- Мне — е! — захлопал от радости желтыми крылышками барашек.

Турухтан удивился:

- Разве, бекасик, ты меня толще?

Бекасик ответил:

- Я такой же, как ты!
- А кто из нас красивей? — турухтан повел своей шеей так важно и так величаво, что бедный барашек сник:
- Ты, конечно.
- Тогда я здесь остаюсь! — сказал турухтан, устраиваясь на кочке.

- А я? — растерялся бекас — барашек.

Турухтан показал длинным клювом на моховинку, откуда он снялся минуту назад:

- Можешь владеть моей старой квартиркой!
- А мне — ка куда деваться? — спросил малыш — чернозо — бик.
- А ты, — посоветовал турухтан, — поищи себе новую кочку. Если найдешь красивее и толще, чем эта, меня позо — вешь.

Чернозобик перепугался:

- Будешь, что ли, опять судейкой?
- Да не судейкой, — сказал турухтан, — хозяином новой квартирки.

МУДРЫЙ

Мальчики — шалунишки стали кидать в стадо коров палками и камнями. Бык рассердился. Звякнул колючком в носу, взрыл ногой дерновину и, разбежавшись, разнес в

прыжке прелую огорожу.

Мальчики бросились наутек. Старались спастись. Да напрасно. Бык настиг. Ковырнул рогами сперва одного. После — второго. Там — третьего. Догнал и четвертого, самого вредного, который не только швырялся камнями, но еще и рожицы корчил. Только этого вредного бык почему — то трогать не стал. Когда возвратился в стадо, коровы спросили:

— Почему его не боднул?

Бык потупил рогатую голову.

— Потому что он такой же толстый, сердитый и сильный, как я.

Засомневались коровы:

— Нет, не поэтому. Лучше открой нам всю правду.

Бык угрюмо вздохнул:

— Отец у него председатель колхоза. Мог бы пожаловаться ему. Тут и пришел бы конец моей жизни. Кто бы стал вас тогда защищать от сердитых мальчишек?

— М — да, — согласились с быком коровы, — мы и не знали, что ты такой мудрый.

ЦМЖАЯ ГОЛОВА

Медведь повадился каждое утро рыбу ловить в суземной реке. И сегодня, чуть свет, спустился с елового косогора, забрел в прохладный приплесок и начал хлопать лапами по воде. Попадалась лишь мелочь — подъязки, ельчики да бы — стрянки. А вон и ерш завертелся на лапе. Зверь раздражен: слишком уж мелок и вид неказист. Распахнул было пасть, готовясь ерша проглотить. Да тот отчаянно дернул губами:

— Не тронь меня, Миша! Брось! Мною ты все равно не наешься. Да и костлявый я чересчур. Клянусь своей мамой, я пригожусь, сослужу тебе добрую службу!

Зверь ершу не поверил. Со страху многое можно наобещать. Однако есть ерша передумал. Сунул обратно его в реку.

После ерша пошли почему — то сплошь пескари. Они не устраивали медведя, и он побрел по приплеску к дышавшему холодом омутку и стал утомительно ждать. Сначала заметил крупного окуня — горбуна. Цап его по оранжевым перьям! Потом тем же способом выловил щучку. Там бросился всем своим телом на стаю язей. Наконец разглядел двух матерых лещей. Они проплывали у самого дна закоряженной ямы. Прыгнул за ними — и провалился, рухнув в реку по самую пасть. Никогда еще с ним не случилось такого. Лапы застряли в корягах. Застряли надежно и крепко, казалось, их кто — то нарочно держал, не давая медведю и шелохнуться. Так и стоял он, весь погруженный в реку, и только круто вздернутый к небу нос оставался над водой.

"Попался к рыбам на самосуд!" — догадался медведь.

Вода кипела от густо ходивших в ней пресноводных. Собирались все представители рыбных семей. Собрались — и давай выносить медведю свои приговоры.

Зеленая щука, оскалив зубастую пасть, предложила: — Содрать всю шкуру и съесть его по кусочку!

— Не годится, — оспорил язвительный язь, — слишком уж просто и примитивно. Предлагаю: прорыть в животе медведя пещеру и там устроиться на зимовку.

Лещ покачал серебристыми плавниками:

— Экземпляр уникальный. Лучше его оставить в нетронутом виде и основать в нем подводный музей.

Сердце медведя тряслось. Он слышал разные способы смерти, какие ему предлагали и жерех, и линь, и берш, и елец. Один только ерш упорно молчал. Но председатель суда по — лосатый судак, повернув к ершу свое хищное рыло, хмуро потребовал от него:

— А ты чего скажешь, костлявый?

Ерш расщеперил игольчато — сизый хребет.

— Без чего не можем мы жить? — бросил собранию рыб беспощадный вопрос.

— Без воды, — ответили рыбы.

— Вот и давайте его, — показал ерш на зверя, — выгоним из воды. Пусть он воздухом задохнется!

— Верно, умная голова! — загомонило собрание рыб и тотчас же всем скопом бросилось к лапам медведя — осво — бождать их от цепких коряг.

Через минуту медведь выбрел на берег, а ерш, развернув — шись в воде, встал напротив скопища рыб и героическим голосом крикнул:

— Кто проследит, как медведь будет воздухом задыхаться? Есть добровольцы?

Добровольцев не оказалось.

СМЕХ И ТОРЕ

Бежит по дороге волк. Кричит, подвывая:

Кого бы зарезать?

— Меня! — откликается зайчик, вылетая пулей из — за деревьев.

— Так и надо, косой! Так и надо! — стрекочет в ветках сорока. — Вот съест тебя волк, будешь знать, как первее всех выскакивать на дорогу!

— Я не хотел, — горестно хнычет косой, — да сердце от страху в подпятки упало. Оттого я и выскочил не туда. Спаси, белобокая! Будь благородной!

— Как бы не так! — заливается смехом сорока. — Уж очень мне хочется поглядеть, как ты завертишься в пасти у волка!

Неожиданно старое дерево под сорокой треснуло на корню и, заскрипев, упало с грохотом на дорогу. Запутавшись возле

земли в тесных ветках, сорока пыталась освободиться. Однако волк тут как тут. Наклонился — и белобокая затрепетала в волчьих клыках.

— Как же я? Как? — взмолилась она, тараща глаза на спасительный лес, который лишь равнодушно взмахнул своими ветвями и, как справедливый мудрец, сказал:

— Судьей бы тебе был не волк, кабы над горем зайчика не смеялась.

ВРАТ И ДРУГ

Рассвирепевший, испуганный, с красным брюшком, он еле — еле спас свою жизнь, увернувшись с трудом из — под сильной руки человека, который хлопнул себя по ноге. Уселся комар на травинку. Разминает помятые крылышки. Вдруг замечает, как по той же голой ноге лежащего на песчаном пляже человека ползет муравей. "Сейчас припечатает и тебя!" — злорадно ликует комар.

Человек привстает, и рука его, взяв муравья осторожно в щепотку, переносит рядом с собой на песок.

Рыженогий нисколько не испугался. Сделав десяток шагов — ков, преспокойно залез на листок лопуха.

Комар возмущен. Он ничего не понимает.

— Ты ведь его укусил! — говорит он муравью. — Укусил так же больно, как я. Однако меня он чуть не убил. А на тебя даже не замахнулся. Почему такая несправедливость?

Муравей объяснил:

— Ты укусил его, нападая, а я, защищаясь.

— Не вижу разницы.

— Разница в способах жизни. Я живу как честный работник, а ты — как бессовестный трутень.

— Ну и что? — удивился комар.

Муравей терпеливо и вежливо пояснил:

— У человека большие глаза. Он ими правильно видит: кто ему друг, а кто ему враг. Во мне, например, он увидел малого брата, а братьев он всегда защищает. В тебе же — мелкого паразита, которых обычно уничтожает.

— И что же мне делать? — спрашивает комар.

— Держись подальше от человека!

ХОЗЯИН ПОЛЯНЫ

Богатая почва вскормила худое семя, и вскоре по теплой погоде сквозь мох пробилась на волю поганка. В неделю взяла она рост. Осмотрелась поганка и видит, что ей повезло — стоит в середине поляны, рядом соседи ее: кошачий корень с круглым и белым, как чайное блюдце, цветком, смиренная елочка — недоростыш, куст голубики, майник, бабочка адмирал, муравей на хвоще, жук — пилильщик и короед. Соседи как будто миролюбивы, скромны, почтительны и безмолвны. Одно не понравилось ей — глядят на нее с любопытством, точно желают понять: зачем она тут, какая в ней польза и нет ли кому от нее вреда? Рассердилась поганка и ядовито сказала:

— Я управлять вами буду! На всякого, кто не будет мне покоряться, напушу мертвый дух.

Соседи в панике и расстройстве. Кошачий корень, елочка, майник и куст голубики испуганно задрожали. Бабочка адмирал забилась в траву. Муравей уполз с любимой поляны. Короед спрятался под корой. Жук — пилильщик, выпилив щель в толстом стебле хвоща, нырнул туда, да там и остался.

Поганка повеселела:

— Теперь, когда вы засохнете и помрете, все соки земли перейдут ко мне!

Никто и пикнуть не смел после таких угрожающих слов.

Лишь старая елка, стоявшая чуть в стороне, осторожно спросила:

— Зачем тебе это надо?

— Хочу, — засияла поганка, — вырасти очень большой! Такой же, как ты, а может, еще и повыше!

Елка вздохнула:

— Неужто нет такой силы, чтобы избавиться от поганки?

— Есть, — послышался голос из — под земли.

— Это кто такой смелый? — потребовала поганка. — А ну покажись!

— Сейчас! — послышалось чуть погромче, и мох под поганкой зашевелился, стал ее поднимать и кренить.

— Безобразие! завозмуцалась поганка. — Это мое законное место! Не троньте меня! Не имеете права!

— Имею! — оспорил уверенный голос, и сквозь хвоинки и мох пролез настоящий хозяин поляны — ядерный гриб — боровик.

Закачалась поганка, повисла на вздыбленном мху, оторвав свои корешки от питательной почвы, и стала немедленно блекнуть. А гриб, пробившись сквозь мох, пошел матереть. Вскоре он превратился в красавца боровика, который стоял над истлевшей поганкой и всем своим богатырским видом без слов выражал настроение каждого, кто обитал рядом с ним на поляне: "Ах! До чего же прекрасно на белом свете!"

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Из болотной осоки вылетел тощий комар.

— Заколю — ю! — вопит на всю луговину. — Где мясной великан? Куда от меня подевался?

— Там, за кошной, — подает голосок пострадавший кузнечик. — Отомсти за дружка! Видишь, как изувечил меня

копытом!

Раззадорен комар.

— Береги — ись! бросает вызов бредущему по колено в траве молодому быку.

Бык стремительно развернулся, выставил грозно рога, мелясь ими попасть в комариное брюхо.

— Только попробуй! Так бодану, что никто и лечить тебя не возьмется!

КОВАРСТВО И РАСПЛАТА

Дождь. Слякоть. Холод. Родовое чутье ведет гадюку к пню — выскорню, где, скрытый хламом коряг и хвои, прилег, приготовился к долгой зимовке осенний барсук.

Змея продрогла. Скользнула в теплое подземелье. Но тут послышался скрежет когтей.

— Гладкая тварь! Ты куда?

— Я озябла! — вздохнула змея. — Пусти, пожалуйста, хоть на минуту! Отогреюсь — и уползу.

— Нет! — отказал хозяин норы.

— Дружище! — Змея припустила в голос сладкую лесть. — Ты же великодушный! Среди зверья добрее тебя не найдешь! Позволь к тебе, ну хотя б в уголок!

И барсук уступил:

— Ладно.

Змея заползла, елеино и ласково зашипела. И вскоре барсук от шипенья заснул. Не слышит барсук, как незваная гостья залезла к нему под самое горло, удобно и мягко устроившись на груди. Хорошо отогревшись, змея ощутила в себе вредоносную радость. Вспомнила, что барсук пустил ее в гости не сразу, даже сперва оскорбил, обозвав гладкой тварью. В глазах у гадюки выиграло. Она услышала барсучье сердце и,

запустив в него жало, подумала с гордым блаженством: "Мудрая я. Мне никто не опасен. Со всеми справлюсь: со мною всегда мои ненависть, ум и коварство".

И все же змее еще раз привелось испытать себя на живую — честь. По первому снегу явился к пню — выскорню бурый медведь. Углубляя барсучью нору, с остатками дохлого зверя на мерзлую землю он вышвырнул и змею. Когда та елейно и сладко заговорила, чтоб Миша позволил ей у него отогреться, он так опустил на нее свою лапу, что от змеи осталось лишь мокрое место.

— Лезть без зубов, а готова сожрать со шкурой, — буркнул медведь, укладываясь на спячку. И, довольный своим поступком, бесповоротно постановил:

— Так будет с каждым, у кого про запас припрятано тайное жало!

ЯДОВИТОЕ ЯБЛОЧКО

Ветер сорвал мохнатую шишечку хмеля, на которой сидел червячок, перемахнул ее в тихий двор, где гуляли курицы с петухом. Петух подбежал к зеленому падальцу и сказал:

— Ко — ко! Ядовитое яблочко! Трогать его запрещаю!

Но слишком заманчив был червячок, и одна из куриц не удержалась. Клынула, проглотила. Да таким он вкусным ей показался, что тут же отправила в рот и шишечку хмеля.

Повеселела курица моментально. Взялась откуда — то сила и храбрость. Пошла воевать с пернатой родней — налетать на всех грудью, толкаться, царапаться и клеваться.

Был во дворе покой и порядок — и вот суматоха, кудахтанье, облако перьев.

— Ко — ко! — потребовал было петух, подзывая к себе бунтарку. Но та и бровью не повела. Пришлось петуху самому изловчиться, чтобы приблизиться к хулиганке.

— Ко! — сказал, выгребая лапами ямку. Выгреб и клюнул курицу в гребешок. И когда та, огрузнув, устроилась в ямке, повернулся к куриному стаду: — Ну и гуляка! Оба глаза наперек! Попрошу, — тут же строго предупредил, — к пьянчужке не приближаться: пахнет опасно. От этого запаха даже самые удалые теряют перья, а иногда и голову с гребешком.

КОТ И ПУДЕЛЬ

Жил серый кот. Питался не голодно и не сытно. И может, поэтому очень любил помечтать о вкусной еде.

Однажды он удивился, увидев, как из дверей продовольственной базы вышел с мешком на спине откормленный пудель. По запаху серый определил, что в мешке у пуделя колбаса. Облизнул свои губки, но подойти к счастливчику не посмел.

На другой день серый снова стоял, как сторож, около базы, спрятавшись в буйной дворовой ромашке. И опять в трех шагах от него, играя кудерьками шкуры, прошел, подгибаясь от тяжести, пудель. На этот раз он тащил огромную сетку коровьего мяса. Серый еле себя удержал, чтобы не ринуться в бой. Да вовремя вспомнил: грабеж наказуем. Могут запросто и избить, а то и забрать под серые лапки, спровадив на несколько лет за решетку.

Повадился серый к дверям продовольственной базы. То — мясь и завидуя, наблюдал, как пудель таскал отсюда разную перемену — то копченую рыбку, то маслице, то печенку.

Как — то, почуяв особенно вкусный запах, серый не выдержал, выбрался на дорогу. Показав глазами на базу, потребовал пуделя объяснить:

— Чего туда ходишь?

Пудель ответил:

— Работаю там.

— Кем?

— Завпроизводством.

— А несешь чего?

— Окорок по — тамбовски, — ответил пудель и спохватился, сообразив, что мог бы вообще на вопросы не отвечать, потому что стоял перед ним отошало — худой, затрапезный котийшко, каких в городе большинство.

— А что? — добавил пудель с усмешкой.

Серый мотнул усами в сторону базы:

— Всех пускают туда?

Пудель чуть было не рассмеялся:

— Чего захотел!

— А меня туда пустят?

— А ты попытайся!

— В сам деле. Чем я хуже тебя? — Серый вскочил на крыльцо продовольственной базы, хорошенько поскреб о косяк. Дверь перед ним распахнулась.

Не прошло и минуты, как свора базовских псов, свирепо сверкая клыками, вывела серого из дверей.

— Вон! Вон! — забрехали на бедолагу. — У нас здесь мыши перевелись!

Серый попробовал объяснить:

— Мне мышей и не надо. Наелся их до отрыжки. Теперь я мяса хочу!

— Не по адресу обратился! — сверкнули клыки. — Да и рылом не вышел! Вон отсюда, пока милицию не позвали!

Серый, сея по воздуху клочья шерсти, приземлился стремительно под крыльцо.

— Невежливые какие! — ворчал, отступая от базы. Я этого так не оставлю! Сегодня же стаю таких, как я, сюда приведу!

— Не надо! — взмолился откормленный пудель, выставясь из травы. — Не води их сюда. На вот лучше! — И протянул

неудачнику пахнувший окороком портфель.

ЦЫПЛЯТ ПО ОСЕЖИ СЧИТАЮТ

Оранжево – красный петух ходит гоголем по двору. Вокруг – куриное стадо. Приятно Пете, что он такой важный, ответственный и красивый и каждая курица рада увидеть в нем своего жениха.

Неожиданно Петя заметил мордочку поросенка. Та выплыла из хлева, заполнив собой квадратный проемчик. Гребешок у Пети вспыхнул малиновым цветом.

– Э – э, тупорылый! Почему кило мяса? – спросил, наслаждаясь своим превосходством.

Поросенок был глуп. Однако и Петю считал не на много себя умнее. Потому и хрюкнул с короткой обидой:

– У меня ножки еще не трясутся, а ты уже мясо во мне увидел! Сам – то во что себя оценил?

Грудь петуха округлилась, а шея выпрямилась шестом.

– Мне нету цены! Потому что я громко пою! А пою почему?

– Досыта поел, – сказал поросенок и тут же решил петуха поугагать, чтобы тот особо не задавался. – А поел – то чего?

– Овсяную кашу!

– А в чем была эта каша?

– В твоем корыте!

– Скоро будешь таким же, как я! – заключил поросенок.

– Это как?! – закудахтал петух, изумляясь и оскорбляясь.

– Кто из корыта поест, – объяснил поросенок, – тот обязательно будет жирным.

Петух налетел, как буря, на поросенка.

– Никогда я не буду жирным!

— Будешь! Будешь!

— Замолчи! — рассердился петух и снова, как хулиган, наскочил на вредного поросенка.

Был бы Петя немного умнее, тут бы сходу все и забыл. Но он был мнительным и упрямым. Вбил себе под тугой гребешок, что теперь обязательно будет жирным. И с этого дня стал бояться не только корыта с едой поросенка, но даже каждого червячка, каждого зернышка, каждой букашки. Стал петух постепенно худеть.

Хозяин, видя такое дело, и отсек ему голову с гребешком. Потроха же отдал солощему поросенку.

Тот пожирал потроха в корыте и, глядя на куриц, пробовал угадать:

— Вкусный Петька! А вы каковы? Тоже, поди — ко, вкусные, как и он?

— Откуда нам знать, — отвечали хохлатки, — мы ведь живые.

— Я тоже живой! — сказал с удовольствием поросенок. — И вообще собираюсь жить долго. Ножки мои никогда не дрожат. А у вас?

— Дрожат, — честно признались хохлатки.

— Скоро, значит, узнаю, почем кило вашего мяса.

Курицы хмуро закокотали:

— Как это? Как?

Поросенок растолковал:

— Хозяин любит, когда его живность толстеет. Я, вон, смотрите, какой пузатый и гладкий! А вы? Вы точно такие же, как ваш Петька. Скоро всем наступит конец.

Напрасно пугал поросенок хохлаток. Осенью курицы все, как одна, переселились в теплый подпечек, а поросенок пошел под обух топора. Мясо его оказалось вкуснее, чем у дворового петуха. Убедился в этом не только хозяин, но и хохлатки, которые, поклевав поросятинки, не упустили друг дружке

сказать:

— Он, наверное, мягкий такой оттого, что не нервничал никогда.

— И ножки век свой не дрожали.

— И вообще его вспомнить будет приятно. Жаль, что он прожил значительно меньше, чем собирался.

ГОЛЕНАСТЫЙ

— Эй ты, голенастый, чего опять заплясал? Сидел бы себе наверху, не мешал бы на солнышке греться!

— Глупая ты, трава! Я же тебя умываю, пыль с тебя отряхую. Чтобы ты поднималась быстрее, была бы вкусней, да овечки бы кланялись перед тобою.

— Мне овечек не надо: они меня щиплют.

— А для чего тебя щиплют?

— Проголодались.

— Они благодарность тебе выражают! — выкрикнул дождь.

— За что? — удивилась трава.

— За то, что выросла сладкая и густая. А кто тебя сделал такой?

Трава смущенно заколыхалась:

— Ты, голенастый.

ЖЕЦЖЕЛЦ НЕ СТРАШНО?

Весь — то день носился малыш по улице. Вернулся домой под вечер — без единой царапины, в целой рубашке, пуговицы на месте. Увидя его в таком чистом виде, дедушка умилился:

— Ну и чистюля! Прямо не верю глазам! Аж сердчишко играет! Так и петухом поет!

Внучек раскрыл в изумлении рот:

– Живым петухом?

– Живым.

Когда возвратилась с работы мама, малыш отозвал ее в уголок и загадочно прошептал:

– Дедко – то наш живьем петуха проглотил! Неужели ему не страшно?

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ

– Мама, вон та машина сделана из чего?

– Из железа.

– А этот вон дом?

– Из бревен и досочек.

– А вон этот веселый дяденька сделан из пива?

ПЕРЕД СНОМ

Миша смотрит в окно. Там, за забором, видит лающую собачку.

– Она плачет или смеется? – спрашивает у мамы.

– Сердится, потому что ты спать не ложишься.

– А если я лягу, она замолчит?

– Замолчит.

Забирается Миша в кровать.

– Я уже сплю. А она все равно почему – то лает?

– Перестанет лаять, когда ты глазки закроешь и увидишь красивый сон.

– Мама, а как ты об этом узнала? Неужели умеешь ты разговаривать по – собачьи? Если умеешь – меня научи. Хочу с собачкой поговорить. Узнать у нее: на кого она сердится? Может, вовсе не на меня.

— На кого же тогда?

Миша уверенно отвечает:

— На того, кто спать меня заставляет.

ХУДОЖНИК

— Это кого ты, Миша, нарисовал?

— Дядю!

— А рядом с ним котика?

— Не котика, а собаку!

— А почему у дяди глаза от лица отдельно?

— Так он же встретился с очень сердитой собакой. Напу — гался ее, как заяц, вот глаза и выскочили от страху.

ПРЕДСТОЯЩАЯ МЕСТЬ

Восьмилетний мальчик поколотил пятилетнего и удивился, что тот не плачет:

— Разве не больно тебе?

— Ничего. Я потерплю. Зато и тебе будет больно.

— Это когда?

Когда ты вырастешь стариком и станешь меня старше на целых три года. Я так тебя сильно поколочу, что ты пожалеешь, что вместе со мной провел свое детство.

ЗНАТОК

Мальчик расхвастался:

— Я учусь в первом классе! Теперь я знаю всех птиц!

Ему показали на голубя с галкой:

— Ты можешь их различить: который голубь? Которая

галка?

Первоклассник кивнул:

— Галка вон та, с женским лицом: А голубь вон этот, у него голова еще, как у мужчины.

И тут же спросил:

— А угадайте: кем они будут друг другу?

— Вероятно, соседями по жилью.

— Как бы не так! — сказал снисходительно мальчик. —

Будут они друг другу мамой и папой.

ПЕРВАЯ ПЯТЕРКА

Сын расхвастался:

— Мне сегодня по физкультуре поставили пять.

— Выходит, ты здорово отличился? — спрашивает отец.

— Не я отличился, а Вова!

— Вова?

— Ну да. Он отличник.

— А что же такое он сделал?

— Он дальше всех прыгнул через козла.

— А ты?

— А я вообще не мог перепрыгнуть.

— Тогда ты, может быть, мне объяснишь?

— А чего объяснять. У меня, наверно, тяжелые ноги.

— Да я не про ноги. Я про пятерку. Почему тебе поставили, а не Вове?

— Кто его знает. Наверно, мы с ним похожие друг на друга, и учитель нас перепутал.

— Значит, Вове поставил он двойку?

— Не двойку, а единицу.

— А Вова обиделся на тебя?

— Не знаю. Я не спрашивал у него. Ведь об этом спрашивать

неудобно.

НЕКРАСИВЫЕ СЛОВА

Сын жалуется маме:

— Я вчера слышал, как Колин папа разговаривал некрасивыми словами.

— Ну, это не удивительно: он грузчик. А грузчики — все грубые.

— А мой папа кто?

— Твой? Твой — инженер, — сказала с гордостью мама.

— А он какой?

— Он культурный!

— Культурный, а некультурно так выражался.

— С кем? — удивилась мама.

— Да с Колиным папой.

ЗНАЮ, ДА НЕ СКАЖУ

Мама раздражена. Как же! Дочка не поздоровалась с соседкой по дому, которая только что мимо прошла, направляясь по улице в сторону магазина.

— Догони сейчас же! — шлепнула дочку. — Скажи ей: "Здравствуй!", невежа. Да не вздумай ляпнуть, что этому я тебя научила. Пора уже вежливой быть без подсказки.

Дочка встала нехотя со скамейки. Сделав десяток прыжков, догнала знакомую тетю:

— Здравствуй, невежа!

Соседка резко остановилась:

— Кто тебя этому научил?

Девочка покраснела:

— Знаю, да не скажу: мама будет сердиться, потому что мне

пора уже вежливой быть без ее подсказки.

ОТЕЦ И СОЛОВЕЙ

Младший брат, увидев старшего, радостно заявил:

— Я соловья сейчас слышал! Ну и сильно поет, почти как наш папа!

Старший брат тут же решил уточнить:

— А у кого голос громче?

Младший отдал предпочтение птице:

— У соловья! Он, как засвищет — вся листва задрожит!

Старший брат снисходительно улыбнулся:

— А папа как закричит — весь дом затрясется!

ХРАБРЕЦ

— Я уже стал большой, — сказал семилетний сын, — нынче в школу пойду, ничего не боюсь!

Отец спрашивает его:

— И волков в лесу не боишься?

— Ни капельки не боюсь!

— Тогда возьми и сходи в лес, где волки. Прямо сейчас.

— Хорошо, — согласился сын и потащил отца за собой к окрайке деревни.

— А я — то зачем? — удивился отец.

Сын объяснил:

— Если ты не пойдешь, то как узнаешь, что я разогнал по кустам всех волков?

КРАНОВЩИЦА

- Твоя мама работает где?
- В будке, около стадиона.
- И кем она там?
- Крановщицей.
- Строит, что ли, чего?
- Да нет! Я же сказал: она — крановщица. Наливает из крана квас.

ВПЕРВЫЕ В ДЕРЕВНЕ

Маленький Саша впервые в деревне.

- Мама, а это кто?
- Это корова.
- А чего она палками делает?
- Какими палками?
- Да вон, на лбу у нее!
- Это же, Саша, рога! — объясняет мама. — Корова, когда рассердится, бодается ими.

Саша спрашивает с надеждой:

- А у меня рога вырастут?
- Что ты, Сашенька! Что ты! Ведь ты не корова.
- Не корова, а тоже хочу бодать.
- Кого? — изумилась мама.
- Того, кто смотрит на меня сердито.
- А разве такие есть?
- Есть.
- А кто, например?
- Ну, мама, разве не знаешь! Ведь когда я тебя не слушаюсь, ты всегда глядишь на меня сердито.

СИЛЬНАЯ МУХА

В деревне Саша живет третий день. Он уже познакомился с овцами, свиньями, петухами. Но лучше всего он запомнил рогатых коров. Сегодня, гуляя с мамой, он вновь продолжает изучать разных животных.

- Вон у этой коровы нету рогов, и она, наверное, не бодает?
- Но это же, Сашенька, лошадь.
- У лошади, что ли, рогов не бывает?
- Нет, нет.
- Рогов нет, а веник — то ей зачем?
- Какой ты глупенький! Это же хвост. Лошадка им прогоняет мух, чтоб они ее не кусали.
- А мухи большие бывают?
- Нет, не бывают.
- А сильные мухи?
- И сильных мух нет.
- А папа сказал, что он опять был под мухой. Неужели такой он слабый, что даже муха его поборола?

ОБЪЯСНЕНИЕ

Надоело Ванюше ходить рядом с мамой, хочет куда — нибудь убежать. Наконец отцепился от сильной ее руки и скрылся за подворотней. Но ему почему — то не повезло. Попала под ноги лужа, и он упал в нее с головой. Чтобы мама не заругалась, вежливо объяснил:

- Мама, я, кажется, уронил себя в лужу.
- Ванюша! Что ты наделал? Ведь на тебе был новый костюмчик!
- Ну как ты, мама, не понимаешь, не мог же так быстро я

его снять.

СОН

Ванюша спешит рассказать:

— Мама! Какой сон я видел! Будто я воробей и лечу на крылышках в лес. Прилетел туда вместе с бабушкой. А там столько ягод!

— Ну и как? — спрашивает бабушка. — Сладкие ягодки? Ванюша в недоумении:

— Бабушка! Разве сама не знаешь? Ведь ты же в лесу — то была со мной!

НЕ ВИДЕЛИ МАЛЬЧИКА?

Молодой усатый отец с пятилетним сыном приехал в Вологду на базар. Среди толкучки сын неожиданно потерялся. Отец поймал за пуговицу первого встречного человека.

— Гражданин! Вы не видели мальчика — черненького, маленького, похожего на меня?

Гражданин пожал плечами, а потом серьезно спросил:

— А усы есть у него?

ПАРОХОД С УМЫВАЛЬНИКОМ

— Ты почему, Юра, сегодня не умывался?

— Но мы же поедem на пароходе!

— Ну так и что?

— Дак пароход — то всяко дадут с умывальником!

ВЕЖЛИВОСТЬ

- Я с сегодняшнего дня вежливым стал!
- Интересно: как это случилось?
- Я ножку Маринке подставил. Она упала и заревела. А я перед ней извинился.

ПРОСЬБА

Поздно. Вечер. Анюта лежит в кроватке. Рядом бабушка вяжет чулок.

- Баб, купи мне арбузик!
- Завтра куплю, — обещает старушка.

Но внучка требует:

- Надо сейчас!
- Сейчас нельзя: на улице ночь, и арбузики все уснули.
- А ты мне сонного принеси!

САМЫЙ ДОБРЫЙ

— Папа, я знаешь кто? Я — самый добрый на свете мальчик!

— Не понимаю?

— А к нам приходила сегодня цыганка и денежку попро—
сила.

- Ну дак и что?
- А я взял ей и дал!

Обеспокоился папа:

- Что же ты дал?
- Одну бумажную деньгу — длинную — длинную, с цифрой один и двумя нолями. Она лежала в твоём кошельке. А кошелек я увидел на этажерке.

Расстроился папа:

- Нет, ты не добрый, а глупый! Оставил теперь нас совсем без денег.

Сын улыбнулся:

— Ну что ты, папа! Мы ведь с цыганкой договорились. Она дойдет до конфетного магазина, купит дочке своей шоколадку и сразу вернется сюда.

— Это еще для чего?

— Эх, папа, папа! Какой недогадливый! Сдачу с денежки принесет!

ВОРОНА

Трехлетний малыш плачет и плачет. Мама не знает, как успокоить. В конце концов решает его попугать:

— Витя, закрой поскорее рот, а то залетит ворона!

Вите не очень понятно:

— Прямо в рот залетит?

— Прямо в рот!

— А чего там делать — то будет?

— Выспится, поворотится да и каркнет три раза!

Витя сердится на ворону:

— Тогда я ее оциплю, суп сварю и отдам корове!

— Коровы ворон не едят!

— Как так? — удивляется Витя. — Они, что ли, мясо не любят?

— Не любят.

— А человеки?

Мама устала от глупых расспросов и отвечает уже раздраженно:

— Человеки все любят — и мясо, и рыбу, и колбасу!

Витя доволен, что наконец — то мама нашла с ним общий язык, потому настойчиво предлагает:

Вот ты мне ее и купи!

— Что купи? — устало вздыхает мама.

— Да колбасы! Но только которая из вороны.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кочерыга</i>	5	<i>Гостинец</i>	74
<i>Удалец</i>	13	<i>Герой</i>	80
<i>Звонок</i>	18	<i>Воробьиное утро</i>	91
<i>Дальний угол</i>	22		
<i>ВОРОБЬИНОЕ УТРО</i>	26	<i>ЧУДЕСА В ЛУКОШКЕ</i>	93
<i>Бабушка Маня</i>		<i>Судейко</i>	94
<i>с лазоревыми глазами</i>	27	<i>Мудрый</i>	95
<i>В траве, у реки</i>		<i>Умная голова</i>	96
<i>Мостовицы</i>	32	<i>Смех и горе</i>	98
<i>Змей-Горыныч</i>	43	<i>Враг и друг</i>	99
<i>Маковка лета</i>	53	<i>Хозяин поляны</i>	100
<i>Домой</i>	61	<i>Предупреждение</i>	101
<i>Без нагана</i>	70	<i>Коварство и расплата</i> ...	102
		<i>Ядовитое яблочко</i>	103

<i>Кот и пудель</i>	<i>104</i>	<i>Отец и соловей</i>	<i>113</i>
<i>Цыплят по осени</i>		<i>Храбрец.....</i>	<i>113</i>
<i>считают</i>	<i>106</i>	<i>Крановщица</i>	<i>114</i>
<i>Голенастый</i>	<i>108</i>	<i>Впервые в деревне</i>	<i>114</i>
<i>Неужели не страшно.....</i>	<i>108</i>	<i>Сильная муха.....</i>	<i>115</i>
<i>Предположение</i>	<i>109</i>	<i>Объяснение</i>	<i>115</i>
<i>Перед сном.....</i>	<i>109</i>	<i>Сон.....</i>	<i>116</i>
<i>Художник</i>	<i>110</i>	<i>Не видели мальчика?.....</i>	<i>116</i>
<i>Предстоящая месть</i>	<i>110</i>	<i>Пароход с умывальником</i>	<i>116</i>
<i>Знаток</i>	<i>110</i>	<i>Вежливость</i>	<i>117</i>
<i>Первая пятерка.....</i>	<i>111</i>	<i>Просьба</i>	<i>117</i>
<i>Некрасивые слова</i>	<i>112</i>	<i>Самый добрый</i>	<i>117</i>
<i>Знаю, да не скажу</i>	<i>112</i>	<i>Ворона</i>	<i>118</i>

Книга издана при содействии фирмы ИММИД, за что автор и издатели сердечно благодарят сотрудников фирмы.

Для детей и взрослых
Сергей Петрович Багров

СОЛЕННЫЙ МАЛЬЧИК

Рассказы
Редактор Г.А. Матвейчев.
Художники С. Иевлев, Л. Казбеков

Сдано в набор 25.07.95. Подписано в печать 4.08.95. Форм. бумаги 60x84.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8 Тираж 10000
Заказ 2504

Приложение к газете "Добро".

Удостоверение № 23 160017, г. Вологда, Тепличный, 2.
Редактор Г.А. МАТВЕИЧЕВ

Производственная фирма "Полиграфист" 160001, г. Вологда, Челюскин -
цев, 3

*Книга издана при содействии фирмы ИММИД, за что автор и издатели
сердечно благодарят сотрудников фирмы.*